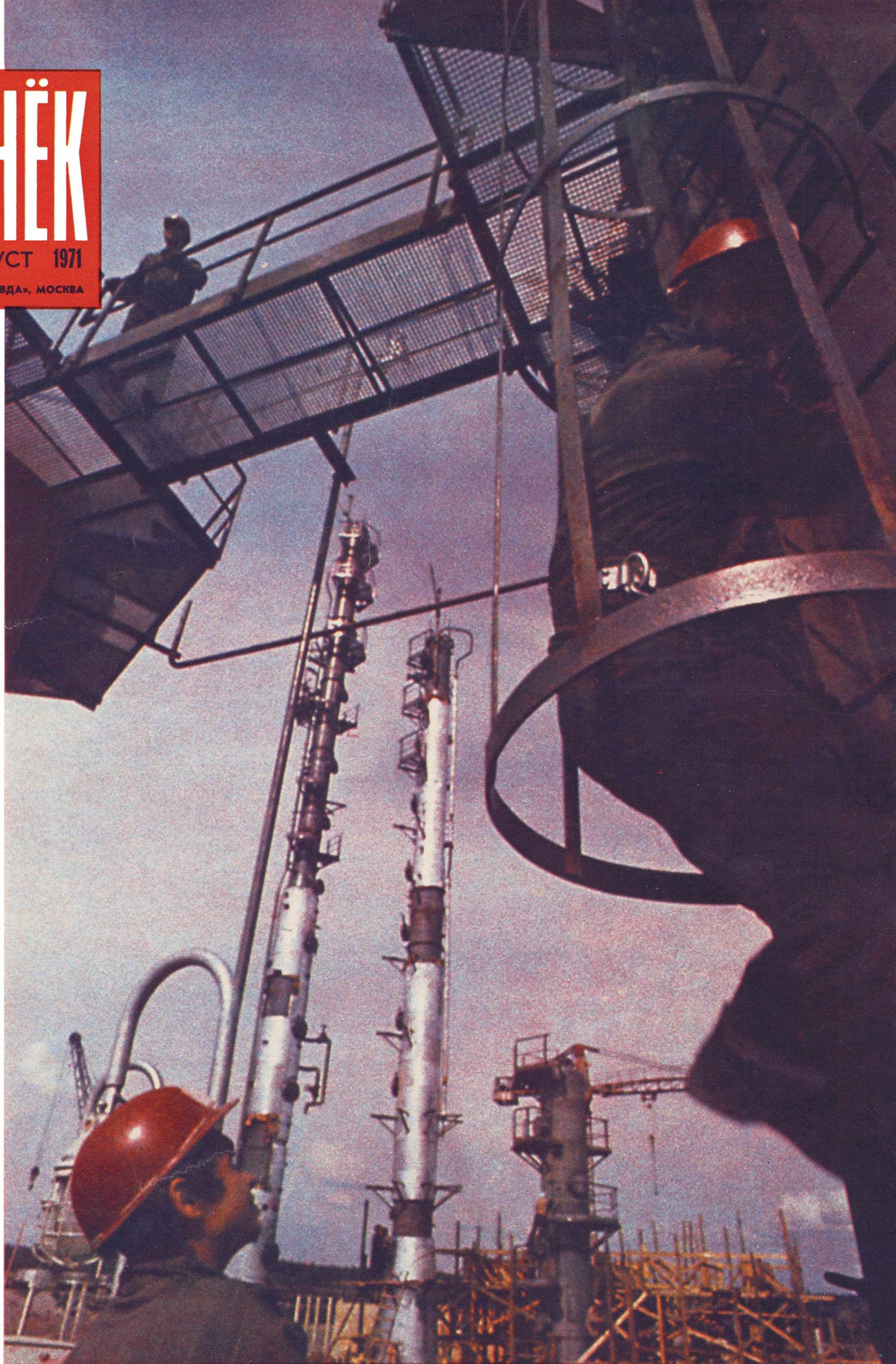

ОГОНЁК

№ 34 АВГУСТ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Ш Т

ОГОНЁК

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 34 (2303)

21 АВГУСТА 1971

УРВАЛЫНЬЕ УРОЖАЯ

Алексей Григорьевич Слипка
с сыном Василием.

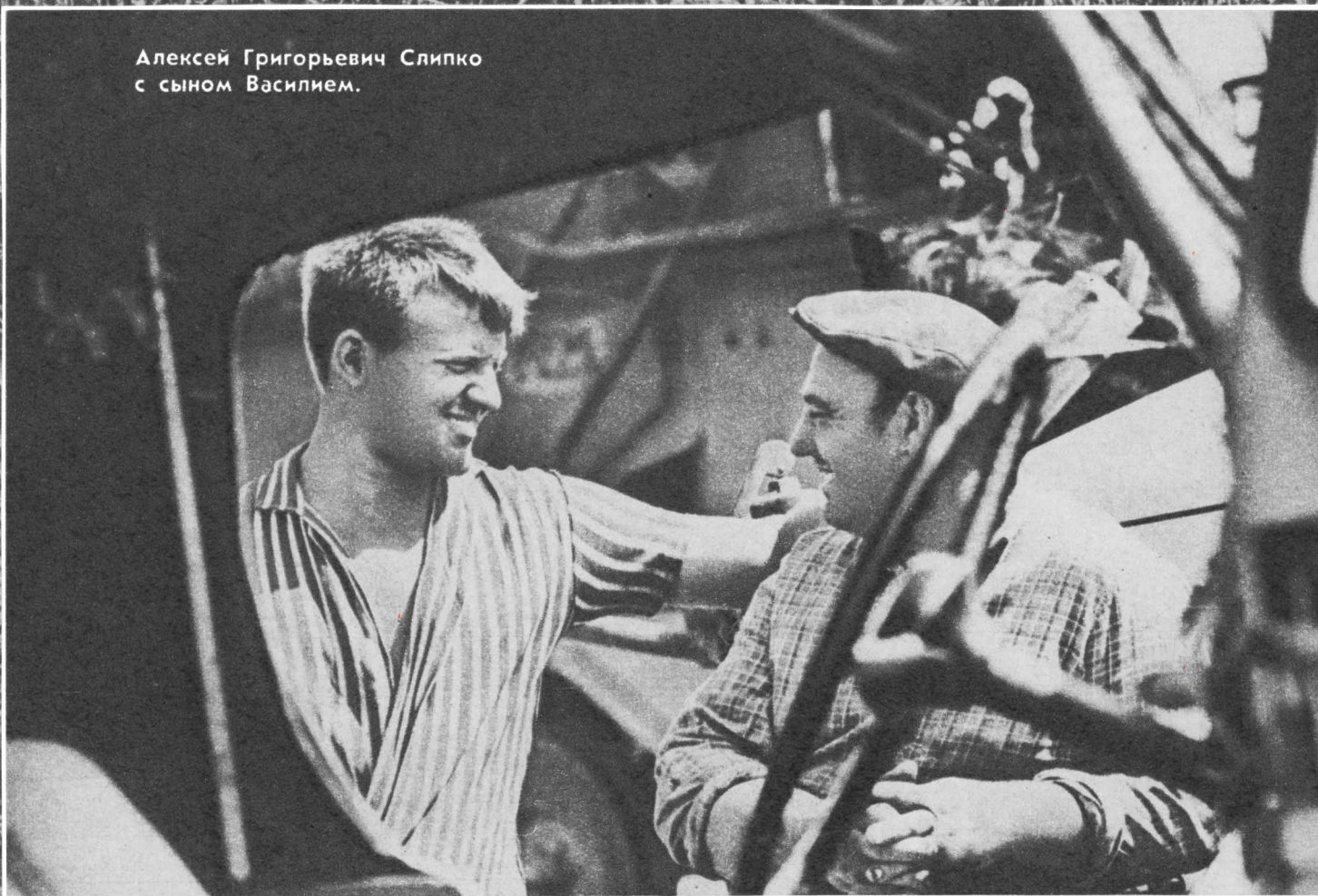

Фото А. БОЧИНИНА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ — НА СТР. 6.

РАТИФИКАЦИЯ СОВЕТСКО-ИНДИЙСКОГО ДОГОВОРА

Президиум Верховного Совета СССР 13 августа единодушно ратифицировал представленный Советским правительством и одобренный комиссиями по иностранным делам палат Верховного Совета СССР Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией, подписанный 9 августа 1971 года в Нью-Дели.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе подписали Указ о ратификации Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Союзом ССР и Республикой Индией.

Н. В. Подгорный подписал также ратификационную грамоту.

Из Дели пришло сообщение, что советско-индийский договор ратифицирован Президентом Индии В. В. Гири.

На снимке: во время ратификации Договора Президиумом Верховного Совета СССР.

Фото В. Егорова, ТАСС.

ПРАЗДНИК НАРОДНОЙ КОРЕИ

Корейская Народно-Демократическая Республика торжественно отметила свой большой праздник — День освобождения.

26 лет назад Советская Армия совместно с национально-освободительным движением Кореи уничтожила иго японских колонизаторов, открыв перед страной путь к новой жизни. Верным другом Народной Кореи на этом пути стал Советский Союз, который оказывал и оказывает республике бескорыстную помощь в строительстве социализма. «Неуклонное укрепление всесторонних дружеских отношений отвечает коренным интересам народов Советского Союза и КНДР, служит

Мост через реку Тэдонган в Пхеньяне.

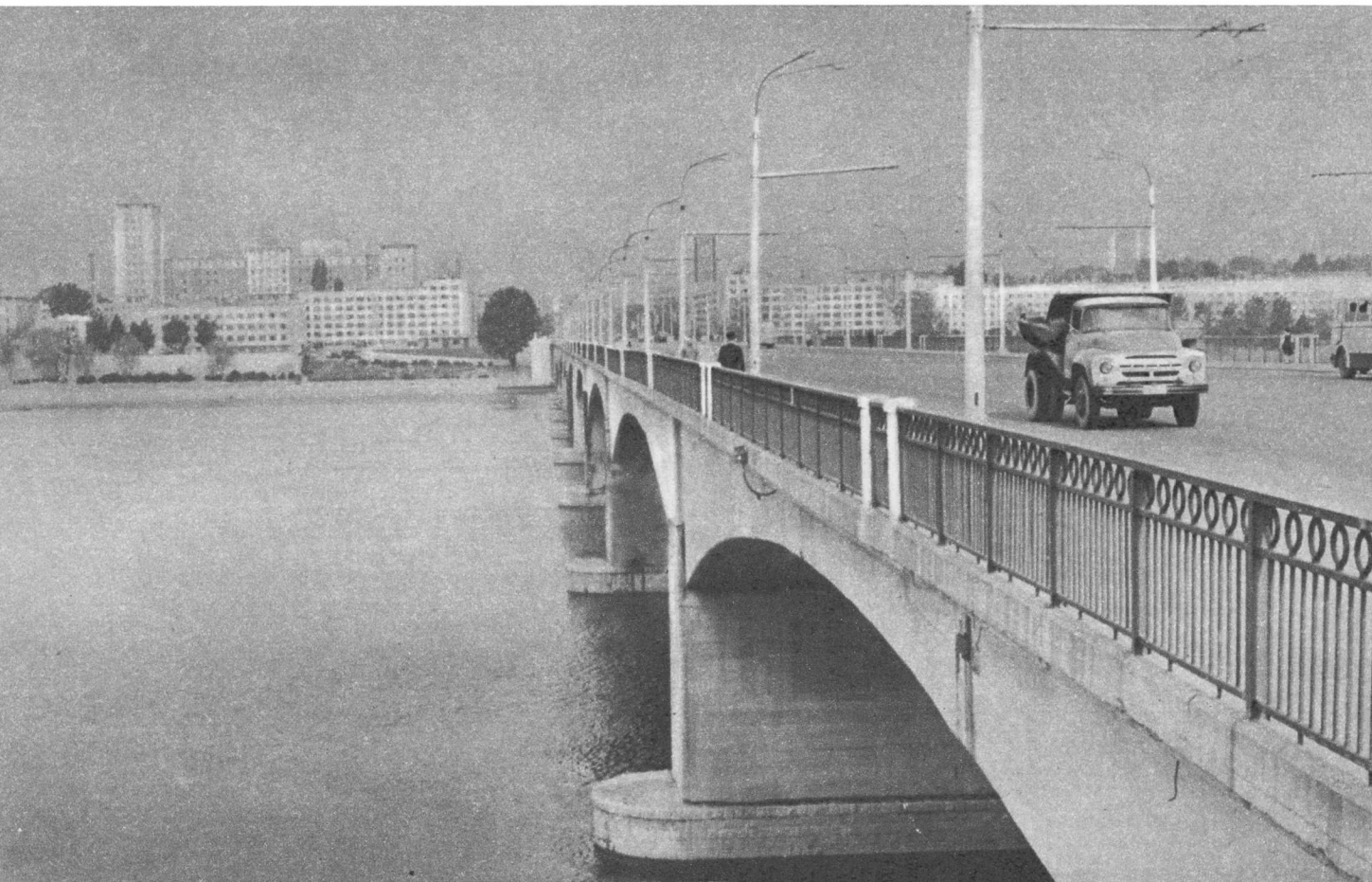

Фото В. Соболева, ТАСС.

В сельскохозяйственном кооперативе

НОВЫЙ МИРНЫЙ ШАГ

Николай ПАСТУХОВ

События, из которых сотканы современные международные отношения, бываю-
т разные: одни вызывают тревогу за судьбы мира, другие наполняют верой во все
самое лучшее. К числу таких добрых событий относится подписание девятого ав-
густа в Дели советско-индийского договора. А через неделю после этого дружест-
венный нам народ отметил свой большой праздник — День независимости. И хотя
подписание договора и национальные торжества, казалось бы, не имеют друг к
другу никакого отношения, между ними существует глубокая связь.

В день празднеств глава индийского правительства Индира Ганди традицион-
но подняла на мачте делийского Красного Форта трехцветный флаг независимо-
сти. Двадцать четыре года назад высокая историческая миссия впервые осущест-
вить эту церемонию была поручена индийским народом Джавахарлалу Неру.

Незадолго до победы освободительного движения, находясь в британской колонияль-
ной тюрьме, Дж. Неру написал свою знаменитую книгу «Открытие Индии», в которой
выражал уверенность, что свобода откроет перед его родиной новые горизонты и что
она «пойдет вперед, полагаясь на собственные силы и в то же самое время готовая
учиться у других и сотрудничать с ними». Спустя десятилетие после того, как были
написаны эти строки, Дж. Неру вместе со своей дочерью Индирой Ганди совершает
поездку в Советский Союз (1955 год), проникается еще большим уважением к нашей
стране, ее народу, опыту социалистического строительства и призывает своих соотече-
ственников учиться у Страны Советов и тесно с ней сотрудничать.

Сейчас, когда оглядываешься на пройденный нашими странами путь плодот-
ворного сотрудничества и читаешь текст советско-индийского договора, невольно
проникаешься убеждением, что и то и другое взаимосвязано.

...На проходившей недавно в Будапеште Ассамблее Всемирного Совета Мира я встре-
тил общественную деятельницу Индии Литто Гхош. На обычные вопросы: «Как жизнь?»,
«Что нового?» — она ответила:

— В стране произошли большие и радостные перемены. Индире Ганди
наконец удалось объединить демократически мыслящую Индию. На недавних вы-
борах правые потерпели сокрушительное поражение! Как они мешали нашему социаль-
ному и экономическому прогрессу, какие клинья вбивали в дружбу и сотрудничество
с вашей страной! Теперь нам открыт зеленый свет. Я уверена, что это приведет к но-
вым значительным этапам советско-индийского сотрудничества.

После того как Джавахарлал Неру вернулся на родину из поездки в Советский
Союз, несмотря на отчаянное сопротивление индийской реакции и ее зарубежных по-
кровителей, сотрудничество между нашими странами становилось все более зримым,
все более масштабным. При советском содействии правительство Индии сумело создать
основу отечественной индустрии в рамках государственного сектора. Родились такие
металлургические гиганты, как Бхилаи, а затем Бокаро, машиностроительные заводы
в Ранчи, Дургапуре, Хардваре, государственные сельскохозяйственные фермы, нефте-
промыслы в Ассаме и Англешваре, мощная теплоэлектростанция в Нейвели и многие
другие предприятия. Подготовлены тысячи высококвалифицированных национальных
инженерно-технических специалистов.

Республика Индия занимала и занимает конструктивную позицию в важнейших
международных вопросах, поддерживает предложения Советского Союза, направленные
на упрочение мира, ликвидацию военных конфликтов, разрядку международной на-
пряженности.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев
особо отметил: «Проведение правительством Индии миролюбивого, независимого
курса в международных делах, чувства дружбы, традиционно связывающие на-
роды обеих стран, — все это содействует углублению советско-индийского сотруд-
ничества».

Через весь договор, заключенный между Советским Союзом и Индией, крас-
ной нитью проходит глубокая заинтересованность обоих государств в обеспе-
чении безопасности в Азии и во всем мире, что приобретает особую важность в све-
те современной международной обстановки и, в частности, в свете обстановки,
складывающейся к югу от границ СССР. В этом отношении особое значение име-
ет содержащееся в договоре обязательство о консультациях в случае нападения
или угрозы нападения на одну из сторон. В том случае, если любая из сторон
явится объектом нападения или угрозы нападения, стороны должны немедленно
приступить к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и при-
нятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности
их стран. «На это положение договора, — заявил на заседании Президиума Вер-
ховного Совета СССР во время ратификации советско-индийского договора то-
варищ А. А. Громыко, — уже обратили внимание во многих столицах и делают из
него соответствующие выводы».

Естественно, договор вызвал в мире бурные и оживленные отклики, комментарии
печати. Люди доброй воли, то есть подавляющее большинство жителей нашей планеты,
искренне и горячо приветствуют советско-индийскую акцию, проникнутую глубокой за-
ботой о поддержании всеобщей безопасности. Как неприятная неожиданность договор
воспринят теми кругами, которые стремятся к нагнетанию напряженности, к различ-
ного рода осложнениям в Азии, да и не только в Азии.

К каким бы злопыхательствам ни прибегали некоторые зарубежные органы печати,
служащие интересам вышеупомянутых кругов, они не в состоянии умалять важное
международное значение договора, проникнутого глубокой заботой о судьбах мира.

делу успешного строительства социализма и ком-
мунизма в наших странах, дальнейшему сплочению
сил мира и социализма в борьбе против агрессив-
ных устремлений империализма», — говорится в
приветствии товарищей Л. И. Брежнева, Н. В. Под-
горного и А. Н. Косыгина, направленном от име-
ни ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета
СССР и Совета Министров СССР Генеральному
секретарю ЦК ТПК, Председателю Кабинета Ми-
нистров КНДР товарищу Ким Ир Сёну и Предсе-
дателю Президиума Верховного народного соб-
рания КНДР товарищу Чой Ён Гену.

выращен богатый урожай.

СИМВОЛ ПРЕДАННОСТИ

Прогрессивная общественность мира широко отметила столетие со дня рождения выдающегося революционера, борца за мир и социализм Карла Либкнехта. Его имя Ленин назвал символом преданности вождя интересам пролетариата, верности социалистической революции.

Дом в Лейпциге, где сто лет назад, 13 августа 1871 года, родился вождь немецкого пролетариата Карл Либкнехт, украшает мемориальная доска. Ее открыл четверть века назад Вильгельм Пик, боевой соратник Либкнехта и первый президент первого германского государства рабочих и крестьян. Государства, борьбе за которое Карл Либкнехт посвятил всю свою жизнь. Еще на студенческой скамье он активно включился в социалистическое движение. На рубеже XX века имя молодого берлинского адвоката уже стало символом борьбы за дело рабочего класса, против угнетения и социального неравенства. «Адвокат справедливости» — так берлинские рабочие любовно называли Карла Либкнехта, своего защитника на многих политических процессах.

В социал-демократической партии Либкнехт выделялся как один из наиболее последовательных борцов против германского империализма и милитаризма. «Борьба за мир — дело всей моей жизни» — от этих слов, прозвучавших как клятва, он не отступил ни на шаг.

Росла популярность Либкнехта среди трудящихся Германии, а вместе с ней и ненависть реакционеров всех мастей к этому пламенному трибуну. В его речах и трудах они видели угрозу основным устоям кайзеровского государства. Повод для расправы с пролетарским вождем нашелся. За публи-

кацию брошюры «Милитаризм и антимиитаризм» Либкнехт был приговорен в конце 1907 года к полтора годам тюрьмы по обвинению в «государственной измене». В ответ на приговор суда рабочие Пруссии демонстративно избрали его членом палаты депутатов прусского ландтага. Либкнехт вышел на свободу, а его враги затаились, ожидая удобного момента для нового удара...

В прусском парламенте, а с 1912 года уже с трибуны германского рейхстага Карл Либкнехт решительно разоблачал интриги германского милитаризма, готовившего войну. А когда эта война разразилась, он — в

обстановке массового шовинизма — единственный в парламенте нашел в себе мужество во весь голос заявить: «Нет — военным кредитам!»

Либкнехт был одинок в рейхстаге, но у него были друзья по всей Германии и за ее пределами. Множество писем и заявлений, приходивших к этому защитнику народных интересов, придавали ему новые силы в борьбе. Но не дремал и враг. Депутат рейхстага, человек отнюдь не крепкого здоровья, Карл Либкнехт в феврале 1915 года был призван рядовым солдатом в кайзеровскую армию, а в августе 1916 года приговорен военным судом к 4 годам тюрьмы. Из тюремной камеры Либкнехт, который еще в 1905 году агитировал за боевой союз немецкого и русского пролетариата, приветствовал победу Великой Октябрьской социалистической революции, призывал немецких солдат не дать использовать себя в качестве палачей этой революции.

В октябре 1918 года германскому рабочему классу удалось освободить своего любимого вождя — берлинские рабочие с ликованием сопровождали его до советского посольства на Унтер-ден-Линден, где посол первого в мире рабоче-крестьянского государства передал ему приветствие Ленина.

В обстановке революционной ситуации, сложившейся в Германии, Либкнехт сразу же встал во главе борьбы за демократические права, против германского милитаризма и империализма. Работа в руководстве «Союза Спартака», издание совместно с Розой Люксембург газеты «Роте фане», создание Коммунистической партии Германии — вот вехи его пути вплоть до трагического 15 января 1919 года...

Балкон, с которого 9 ноября 1918 года Карл Либкнехт провозгласил социалистическую республику, встречен теперь над главным подъездом здания Государственного совета ГДР. Дело, за которое погибли Карл Либкнехт и Роза Люксембург, живет в трудовых свершениях социалистической Германии.

Л. КАРИН

ОЛЬСТЕР — «БРИТАНСКИЙ ВЬЕТНАМ»

Белфаст. Здесь идет настоящая война.

Фото ЮПИ.

Все чаще Северную Ирландию называют «Британским Вьетнамом». Здесь идет настоящая война. Есть убитые и раненые: около тридцати человек за последние четыре дня. Тысячи беженцев ищут спасения на территории соседней Ирландской Республики. В лагерях для беженцев скопилось уже около 15 тысяч человек, в основном стариков, детей и женщин. Лондонские газеты все еще твердят о «религиозных противоречиях» между жителями Ольстера — католиками и протестантами. Что поделаешь, пишут газеты, не могут они «жить» вместе. Но при чем здесь «религиозные противоречия», если трудящиеся-католики, составляющие треть населения Ольстера, требуют вполне земных прав: права на работу, права не подвергаться дискриминации, жить в человеческих условиях, принимать участие в выборах и быть избранными. На словах ни центральное правительство в Лондоне, ни власти Северной Ирландии, представляющие влиятельных и богатых землевладельцев, банкиров и промышленников, наследников англичан-протестантов, завоевывавших Ирландию огнем и мечом, не отрицают за католиками таких прав. Они даже за «реформы». Они готовы оказать «помощь». Объявлено, что на «помощь и восстановление» в Северной Ирландии выделено полмиллиона фунтов стерлингов, то есть около тридцати пенсов (стоимость пачки приличных сигарет) на человека. А тем временем в Северную Ирландию для «поддержания законности и порядка» перебрасываются все новые воинские подразделения. Это уже не слова, а дела. С военных аэродромов солдат на бронетранспортерах и вертолетах перебрасывают во все концы Ольстера. Численность британской армии в Северной Ирландии достигла 13 тысяч человек.

В Ольстере действует закон о чрезвычайных полномочиях, в соответствии с которым солдаты и полицейские арестовывают кого угодно и «подозреваемых» могут держать за решеткой и колючей проволокой в течение любого времени без суда и следствия. Солдаты оснащены новейшим вооружением. На магистралях и на перекрестках городов возведены укрепления, по улицам непрерывно снуют быстроходные броневики, ошестившиеся дулами пулеметов. Укрывшиеся за броней машин солдаты кадровой британской армии не так давно насаждали «законность и порядок» в далеких от Англии странах. Теперь они применяют этот опыт у себя дома, в Соединенном Королевстве. Солдатами командует генерал-лейтенант Гарри Тьюзо, тоже имеющий немалый опыт колониальных войн, в том числе в Малайе, Сингапуре и на Борнео.

Все более явственно докатываются раскаты ольстерской грозы и до Лондона. Сейчас, когда пишутся эти строки, отряды конной и пешей полиции разгоняют массовую демонстрацию на лондонской улице Уайтхолл, где расположены министерство внутренних дел и другие правительственные учреждения. «Ольстер будет свободным!», «Долой закон о чрезвычайных полномочиях!», «Прекратить кровопролитие, вон британских солдат из Ольстера!» — скандируют демонстранты.

Лондон.

Николай ТУРКАТЕНКО

23 августа — национальный праздник румынского народа, День освобождения от фашистского ига.

«ГДЕ ДУНАЙ КАТИЛ ВОЛНУ...»

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Сюда, на край моей страны, где Карпаты и Балканы обнимались взглядами, где Дунай катил волну, расщепленный скалами, люди пришли, чтобы высечь из воды и кремня гор огонь.

Подстрочный перевод, конечно, но надо было видеть и слышать, с каким увлечением Ион Шербан Дринча читал свою первую поэму. Поэму о строительстве крупнейшей в Румынии электростанции Железные Ворота, в которой воспевалась дружба, потому что ГЭС даст электроэнергию двум странам — Румынии, Югославии, — и большую помощь в ее сооружении оказывает Советский Союз, его ученые, конструкторы, монтажники.

К поэзии слова Ион пришел через поэзию стройки. И не беда, что литераторы еще не встречались с его фамилией на обложках книг: те, кто строит Железные Ворота, хорошо знают этого парня, который вместе с ними воздвигал электростанцию, а сейчас печатает стихотворения и репортажи в местной многотиражке.

«Наш Ион вполне мог бы иллюстрировать поэму фотографиями стройки, — услышала я от главного редактора многотиражки Софьи Драгич. — Ведь эта поэма, по существу, хроника новой жизни Железных Ворот».

Еще до поездки на Дунай, в Бухаресте, в Министерстве электростанций, от инженера Дарие Трояна, секретаря румыно-югославской комиссии по строительству электростанции у Железных Ворот, я узнала, с какими серьезными техническими трудностями встретились тут конструкторы и строители. Надо было построить шоссе и перенести железную дорогу, переселить 15 тысяч жителей из района водохранилища, создать специальные плавучие площадки с мощными строительными кранами, преодолеть течение скоростью до 4 метров в секунду. Огромная плотина, высотой в 60 метров, должна была перекрыть путь водам Дуная, создавалось водохранилище объемом в два миллиарда кубометров. В гидроэнергетический ансамбль входили большие шлюзы — решались не только вопросы энергетики, но и судоходства по Дунаю.

На электростанции у Железных Ворот каждая турбина рассчитана на 178 тысяч киловатт, тогда как мощность первой румынской гидроэлектростанции Биказ имени Владимира Ильича Ленина составляла всего 200 тысяч киловатт.

— Советский Союз оказывает нам экономическую помощь, помогает оборудованием, инженерной документацией, — рассказывал Дарие Троян. — Кроме того, и это очень важно, среди наших специалистов многие имеют советские дипломы. На ряде ГЭС работают советские генераторы, турбины. Например, для электростанции Железные Ворота из шести турбин три изготов-

лены в Советском Союзе, а остальные сделаны по советским проектам нашей молодой энергетической промышленностью.

...И вот я вхожу в машинный зал электростанции Железные Ворота, где стоят эти мощные турбины. Тело турбины скрыто под зеленым пластиком пола, уходит глубоко под воду, а тут видна лишь малая часть гигантских сооружений. Подхожу поближе и вижу знакомую марку Ленинградского металлического завода. И хотя за стенами зала щедрое румынское солнце плавит воду Дуная, я вспоминаю туман над Невой, прохладный, дождливый Ленинград. Ведь я была на Ленинградском металлическом заводе как раз в те самые дни, когда там создавались турбины для Железных Ворот. Главный инженер гидротурбин, лауреат Государственной премии Глеб Степанович Щеголев объяснял мне тогда, что при их создании конструкторы учли все лучшее из технического опыта на Днепре и Волге. Это самые мощные в мире турбины подобного типа. Агрегат будет полностью автоматизирован, снабжен современной системой регулирования.

И, словно угадав мои мысли, ленинградец Евгений Васильевич Балагуров, который вот уже три года работает в Румынии главным инженером советской группы специалистов, вспоминал о Щеголеве, который, оказывается, приезжал на Дунай, чтобы увидеть, как работает его детище.

Румынские инженеры и рабочие рассказывают мне о строительстве ГЭС, о том, как в прошлом году, к празднику Дня освобождения Румынии, досрочно была сдана в эксплуатацию первая советская турбина. Пришли все свободные от вахты — рабочие, инженеры, монтажники, руководители стройки. Это было в восемь часов семь минут утра. У шеста управления встал технический директор ГЭС, инженер Аркадие Време. Ему выпала честь включить турбину в сеть.

Еще об одном важном дне в истории электростанции рассказал мне шофер Константину Алдые — дне, когда началось долгожданное перекрытие Дуная, к которому давно готовились строители.

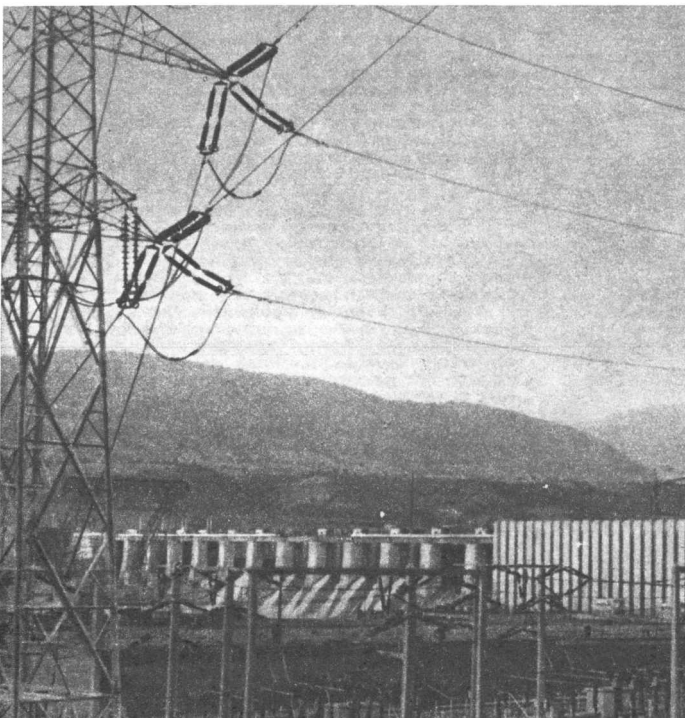
Перекрытие шло одновременно с румынского и югославского берегов на месяц раньше срока. Тридцать шесть часов работал тогда Константин Алдые без перерыва, не вылезая из своего

«БЕЛАЗа». Ел на ходу, наскоро, прямо из бутылки пил сок и опять возил и сваливал в Дунай бетонные глыбы...

Дунай покорился, и сейчас строительство крупнейшей гидроэлектростанции завершается. Советские турбины уже работают, дают тон, четвертая с маркой румынского машиностроительного Решицкого завода сдана в эксплуатацию, пятая проходит испытания, а в конце машинного зала сверкают огни электросварки — идет монтаж последнего, шестого агрегата. И тоже намного раньше, чем по проекту.

...Я рассказывала лишь об одной новой стройке, но в ней, как в капле воды, видны те огромные преобразования, которые совершаются в стране.

Так шло строительство на Дунае.

Утренний Бухарест.

Фото Аджерпресс.

ШТУРВАЛЬНЫЕ УРОЖАЯ

См. стр. 1.

По дороге мчались машины. Солидно урчали рефрижераторы, ревели грузовики, нагруженные зерном, нетерпеливо пофыркивали легковушки... И вдруг в этот дорожный оркестр вошел тархтяще-гудящий звук. Заметались легковушки, притормозили рефрижераторы, свернули на обочину грузовики. А по середине шоссе, принимая эти знаки уважения как должное, плыл... комбайн.

За штурвалом стоял парнишка. «Корабль хлебных полей» вел он подчеркнуто невозмутимо. Только побелевшие пальцы да прыгающие желваки выдавали его волнение. Река — не море, а шоссе — не поле, и «сесть на мель» здесь проще простого. Вдруг комбайн свернул на проселок и остановился. Парнишка спрыгнул на землю. За ним неторопливо сошел невысокий крепкий человек. Он поставил чемоданчик, потрепал выцветший чуб юного комбайнера и сказал:

— Присядем, сынку.

Опустился на траву. Помолчал. Переложил из кармана в карман какие-то болтики, гайки, ключи, плоскогубцы. Наконец, достал толстый гвоздь и заговорил, сгибая и разгибая его, как травинку.

— Ты, Илья, не волнуйся. Поступишь. Как сдашь экзамены, возвращайся. Отдохнешь, а там и за учебу. Конечно, без тебя тут будет неуправка: сам понимаешь, одним работником в бригаде меньше. Но мы поднатужимся. А ты учись: агроном колхозу очень нужен! На практику приезжай домой — работы тут тебе хватит. Ну, и нас с матерью не забывай, — закончил он и отшвырнул согнутый спиралью гвоздь.

Отец с сыном встали, обнялись, и парнишка пошел на шоссе ловить попутную машину. Выскочил Илья на дорогу, кинулся к машине, но не выдержал и обернулся. Увидел размахнувшееся до горизонта поле, красноватую точку комбайна, отца, ставшего совсем маленьким, и так зашло сердце, что парень чуть не бросился назад! Но отец уже сел в комбайн и вырубивал и кроме поля: теперь ему работать за двоих, так что времени терять нельзя.

Весь день Алексей Григорьевич Слипка не выпускал из рук штурвала: работа помогала забыть горечь расставания с сыном. Совсем еще мальчишка. Как он там жить будет без отца и матери?.. Но агроном из него получится, землю парень любит. А без агрономов нынче ни шагу. Ведь каких-то семь лет назад Алексей Григорьевич убирал с гектара по пятнадцать центнеров пшеницы, а теперь — по тридцать пять! Чья заслуга? В первую очередь агрономов...

В этом году Алексею Григорьевичу пришлось обслуживать два комбайна сразу. Помощниками были сыновья — Илья и Василий. Комбайны работали круглосуточно. Комбайнеры по очереди спали, по очереди ели... Потому и план выполнили раньше срока.

А теперь вот соседи попросили помочь им, и пришлось перегонять машину на их поле. Председатель колхоза «Шлях Ильича» А. Я. Вязовский послал самых лучших — бригаду Слипка. Тут дело принципа: до недавнего времени помощи просил сам Вязовский, а теперь колхоз так окреп, что может помочь и другим...

Вскоре на поле появился еще один комбайн — приехал Василий Слипка. Работал он так азартно и горячо, будто наверстывал упущенное. Впрочем, так оно и было. Ведь после окончания училища механизаторов Василий пошел экскаваторщиком на стройку, пробыл там больше года. Женится, родилась дочка, казалось, совсем прижился в городе. Но вдруг все бросил и вместе с семьей вернулся в родное село.

И никто этому не удивился. Так уж тут повелось, что парни возвращаются домой. Учатся ли, служат в армии, уезжают ли на стройки — проходит год-два, и снова домой. Им теперь и невест тут не хватает, присваиваются в соседних селах, а то и в других областях.

...Алексей Григорьевич смотрел, как споро работает Василий, с удовольствием вспоминал напористость Ильи и удовлетворенно думал: «Что ж, придет время, можно и на пенсию. Земля останется в хороших руках».

Б. СОПЕЛЬНЯК

Полтавская область.

КОМИ АССР — 50 ЛЕТ

ВМЕСТЕ С НАРО

Коми АССР празднует полувековой юбилей. В канун юбилея корреспондент «Огонька» попросил первого секретаря Коми обкома партии Ивана Павловича МОРОЗОВА ответить на несколько вопросов.

Вопрос. Иван Павлович, в зарубежной прессе порой пишут, что когда-то возле Ледовитого океана жили зыряне, а вот русские коммунисты давно уже ничего не сообщают о них. Что вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Ну, прежде всего, что зырянами этот народ теперь уже никто не называет! Есть народ коми, которому Великая Октябрьская социалистическая революция вернула его собственное имя. Да и не только имя. Октябрь дал нам государственность. Ленинская национальная политика благотворно повлияла на всю жизнь нашего народа. У коми появилась своя письменность, и сейчас в нашей республике нет неграмотных. У нас давно есть свои писатели, поэты, на сценах наших театров наравне с произведениями классиков русской и мировой литературы с успехом идут пьесы национальных драматургов. Создана своя промышленность. Одним словом, за годы Советской власти в Коми, как и во всех других автономных республиках и областях нашей страны, произошли свершения, которые составили бы честь любому народу и государству.

Вопрос. В одном из томов Британской энциклопедии, изданном сравнительно недавно, в статье о Коми сказано так: «Промышленных предприятий нет, кроме маленьких лесных заводов и соляной фабрики», а «в лесной промышленности используются лошади».

Ответ. Да, это действительно было. Только до революции. Тут составители Британской энциклопедии, мягко говоря, уклоняются от истины. Ныне в республике более пятидесяти крупных современных лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий, которые оснащены современной техникой. Они заготавливают двадцать миллионов кубометров леса. Построен и действует крупнейший в Европе лесопромышленный комплекс. Его предприятия выпускают целлюлозу, бумагу, картон.

ВЕТЕР С ЮГА

Федор ЩЕРБАКОВ

В тайгу ходили коми бить зверей,
Валили лес в жестокие метели...
Но разве нас считали за людей
Те, что на нашем поте богатели!

Охотничьи дороги тяжелы:

Где в лодке, где пешком — по следу зверя.

Тайга дремала в серой дымке мглы,

В свое преображение не веря.

Но люди не согнулись. Их борьба
Зажгла зарницы по чащобам края.

И нам открылась новая судьба —

Возликовала парма вековая...

Гляжу, любуюсь, радостью дыша:

Бегут составы, аж дрожит округа.

И словно праздник празднует душа,

И теплый ветер бьет в лицо мое, а юга!

Перевел с языка коми
Глеб ПАГИРЕВ.

ДАМИ - БРАТЬЯМИ

Что касается лошадей, то о них лесорубы давно уже забыли. Сейчас в Коми, в тайге, работают 1 480 лесовозных автомобилей, 4 270 тракторов, 256 тепловозов и мотовозов, десятки тысяч электрических и бензомоторных пил.

За годы Советской власти в республике возникли новые отрасли промышленности. Взять, например, угольную. Она также хорошо оснащена техникой. На шахтах Печорского угольного бассейна, который, кстати сказать, стал главной топливной базой европейского севера страны, широко внедрены механизированные комплексы, автоматика и дистанционное управление. Здесь действуют угольные шахты-гиганты. Шахтеры Воркуты и Инты в минувшем году выдали на-гора 21,5 миллиона тонн угля. И просто нельзя себе представить, что кто-то сейчас всерьез думает, будто все это можно сделать с помощью гужевой тяги, кайла и лопаты...

Коксующиеся и энергетические угли, нефть и нефтепродукты, природный газ и газовая сажа, древесина и пиломатериалы, фанера и древесные плиты, целлюлоза и бумага, стандартные дома, мебель, строительные материалы — таков далеко не полный перечень продукции современной промышленности республики. Продукция с маркой предприятий Коми АССР вывозится во все союзные республики Советского Союза и в восемнадцать зарубежных стран.

А теперь о завтрашнем дне республики. В Директивах XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану предусматривается ускоренное развитие таких прогрессивных отраслей, как нефтяная и газовая промышленность. Добыча нефти возрастет более чем в 2,7 раза и достигнет примерно 15 миллионов тонн в год. Добыча природного газа увеличится более чем в 2 раза и составит 15 миллиардов кубометров в год. Войдут в строй новые мощные газопроводы из труб большого диаметра — 1 420 миллиметров — и новые нефтепроводы.

В лесной промышленности основное внимание мы уделяем комплексному использованию древесного сырья, значительному расширению объемов переработки низкосортной древесины. Производство фанеры и мебели за пятилетие должно возрасти в 2,2 раза, целлюлозы (по варке) — в 2,8 раза, бумаги — в 4,6 раза, в десятки раз увеличится выпуск картона для упаковки пищевых продуктов.

И еще об одном важном показателе. Я имею в виду производство электроэнергии. У нас ее производится в год 2,7 миллиарда киловатт-часов, иначе говоря, на каждого жителя республики приходится около 3 тысяч киловатт-часов. Это больше, чем в таких развитых капиталистических странах, как Франция и Италия. Выработка электроэнергии

будет возрастать и далее. В 1975 году она составит более 4 миллиардов киловатт-часов. В республике создается единая энергетическая система, что позволит полнее удовлетворять потребности быстроразвивающегося народного хозяйства и бытовые нужды трудящихся.

Наша самая крупная стройка девятой пятилетки — первая очередь ГРЭС в районе Печоры мощностью в 1 миллион 200 тысяч киловатт. В последующие годы ее мощность удвоится. Стальные мачты высоковольтной линии электропередач зашагают по просторам республики, свяжут друг с другом все ее промышленные центры. Новая электростанция поможет решить ряд проблем, связанных с более полным использованием природных богатств республики.

У нас трудится большой отряд ученых. Сейчас в научных учреждениях и на кафедрах высших учебных заведений работает около тысячи научных сотрудников, в том числе более 200 докторов и кандидатов наук. Кроме филиала Академии наук СССР с его институтами биологии, геологии, языка, литературы и истории и отраслевыми отделами, в республике успешно функционируют еще шестнадцать научных учреждений. Труды докторов наук Я. Н. Безносилова, А. К. Микушева, Н. П. Юшкина, В. А. Витязевой, М. П. Рощевского, К. А. Моисеева получили широкое признание в нашей стране.

В республике успешно осуществляется всеобщее среднее образование, сейчас каждый четвертый человек у нас учится. В Коми АССР есть свои высшие и средние учебные заведения, готовящие специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Да разве все можно перечислить?!

Пятьдесят лет — сравнительно небольшой период в истории народа. Но за этот короткий срок в результате национальной политики Коммунистической партии, животворной дружбы народов Советской страны наша республика превратилась в социалистическую, индустриальную.

«Сама природа социалистического общественного строя, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, — последовательное осуществление партией ленинской национальной политики сплотили народы нашей страны, превратили их дружбу в движущую силу развития советского общества, в неиссякаемый источник энергии и творчества всех наций и народностей Советского Союза».

История Коми АССР за минувшие полвека блистательно подтверждает эти слова. Наш народ гордится тем, что вместе с другими советскими народами-братьями под руководством Ленинской партии прокладывает путь к коммунизму, к светлому будущему всего человечества.

ПАРТОРГ

Серафим ПОПОВ

Глухая ночь...
Но не до сна ему...
Не сон,
а мыслей
трудное движение...
На буровую
сквозь пургу и тьму
уходит смена,
как бойцы в сражение.

Вы скажете:
сей штамп недопустим,
мертво сравнение,
не тревожь останки...

Но здесь и впрямь
огонь, и гром, и дым,
ползут вперед бульдозеры,
как танки...

Хоть по-декабрьскому
тайга сурова
и ветер за лицо
хватает зло,
твой долг —
найти в душе
такое слово,
чтоб человеку
сделалось тепло!

Чтоб он,
одолевая ярость вьюг,
доверчиво
с тобой встречаясь взглядом,
в тебя поверил:
вот мой лучший друг!
Мой лучший друг
всегда со мною рядом!

Пусть труден труд,
когда мороз неистов,
когда часы —
как долгие года,
трудней
быть настоящим коммунистом.
Сегодня быть.
И завтра.
И всегда.

Перевел с языка коми
Игорь МИХАЙЛОВ.

НАЧАЛО ЭТОЙ ЗЕМЛИ

Памятник В. И. Ленину в Сыктывкаре — столице Коми АССР.

Сыктывкарский лесопромышленный комплекс. Нина Кравцова отвечает за работу контрольно-измерительных приборов на картонно-бумажной фабрике.

Поселок Вуктыл — здесь начинается газопровод «Сияние Севера». Начальник участка треста «Вуктылгазстрой» Владимир Стасевский.

Фото Г. КОПОСОВА и К. КАСПИЕВА.

А. МУРЗИН

Каждый раз, приезжая в Сыктывкар, я захожу в этот каменный трехэтажный дом, окруженный подростками, тенистыми тополями, — к своим друзьям, моим бывшим соседям. Зимой и летом захожу на беседу к актеру, учителю и поэту.

Актер — это Иван Иванович Аврамов. Народный артист РСФСР и Коми АССР. Он, кроме десятков других сыгранных ролей, вот уже двенадцать лет создает на коми сцене свою Лениниану. Уж, кажется, все знал я о нем. Например, то, что вовсе не на роду ему было написано стать выдающимся актером, поскольку он якобы из театральной семьи. Хотя именно так объяснили мне мое удивление его природным даром, естественностью, тонким чувством сценической правды, когда я лет двадцать назад впервые увидел Аврамова в спектаклях. Однако вскоре он сам открыл мне истину.

Еще перед революцией отец его, попав в армию, оказался не в окопах, а из-за хорошего голоса был зачислен в кремлевскую певческую команду. Эту команду иногда привлекали к постановкам Большого театра. На великой сцене простой коми солдат Иван Аврамов услышал великого Шаляпина. О пережитом восторге бывшего солдата знали потом не только его жена, дети, но и вся далекая, глухая коми деревушка Слобода, затерянная в лесах на Вычегде. Рассказы отца о знаменитом певце, вышедшем из народа, да запавшая с тех пор в душу мальчишки зыбкая мечта стать актером — вот и все, что связывало тогда Ивана Ивановича с искусством.

А леса кругом деревни стояли такие, что хоть тысячу верст иди в любую сторону — и не было им конца и края. Особенно одинокой, всеми забытой деревушка казалась зимой. Засыпанная снегами до самых охлупней, ошпаренная бездыханными морозами, слепо смотрела она на мир белями вымороженных окон, чутко прислушиваясь лишь к скрипу проезжающих саней. И случалось, что долгими зимними вечерами мальчишечьи глаза с любопытством глядели с полазат на зашедшего обогреться путника. И еще загадочней становилась после этого большая, манящая, незнакомая

жизнь, лежавшая за маленьким, быстро темнеющим окном. Путь от полатей до сцены был еще очень далек, так далек, что и теперь порой не верится: неужто он все-таки был пройден?

...В марте этого года мы улетали из Сыктывкара дальше на север: я в Ижму, Иван Иванович — в Инту, где вечером ему предстояло играть Ленина. Вспоминая давний наш разговор о том, кем ему пришлось побывать, прежде чем он стал актером, мы вышли на перрон, чтобы сесть в свои самолеты, улетающие одновременно. Падая тихий лохматый снег. Белые снежинки миглом осыпали куртку, брови, молодое лицо Ивана Ивановича и были совсем не заметны на его белых висках. Я с грустью сказал ему что-то про зимнюю пору, которая все красит в один цвет. Он вдруг рассмеялся:

— Вот! А главную-то профессию чуть не забыл. Я же лес сплавлял и, кстати, в бригаде самым чернявым парнем был...

Сплавщик! Как же упустили мы эту главу его биографии? А может, потому и забыли, что о ней не нужно было и спрашивать? Кто же в Коми не работал на сплаве? Ведь я знал: живущий с Аврамовым дверь в дверь Борис Иванович Захаров мог бы в точности повторить его рассказ и о своем детстве, и о молодости, и о родной деревне Межадор. Ныне заслуженный учитель РСФСР и Коми АССР, почетный гражданин Сыктывкара, директор знаменитой в республике школы № 12 Захаров в юности тоже работал на сплаве.

И третий сосед, Серафим Алексеевич Попов, народный коми поэт, в годы первых пятилеток строил лесопункты, тесал шпалы, обжигал кирпич, рубил лес. А о том, как трудился на лесосплаве, гонял плоты, написал стихи:

Какая ночь вокруг! И не уснуть.
Кипит работа, золотятся бревна,
Увязанные, сплоченные ровно,
Готовые пуститься в дальний путь.

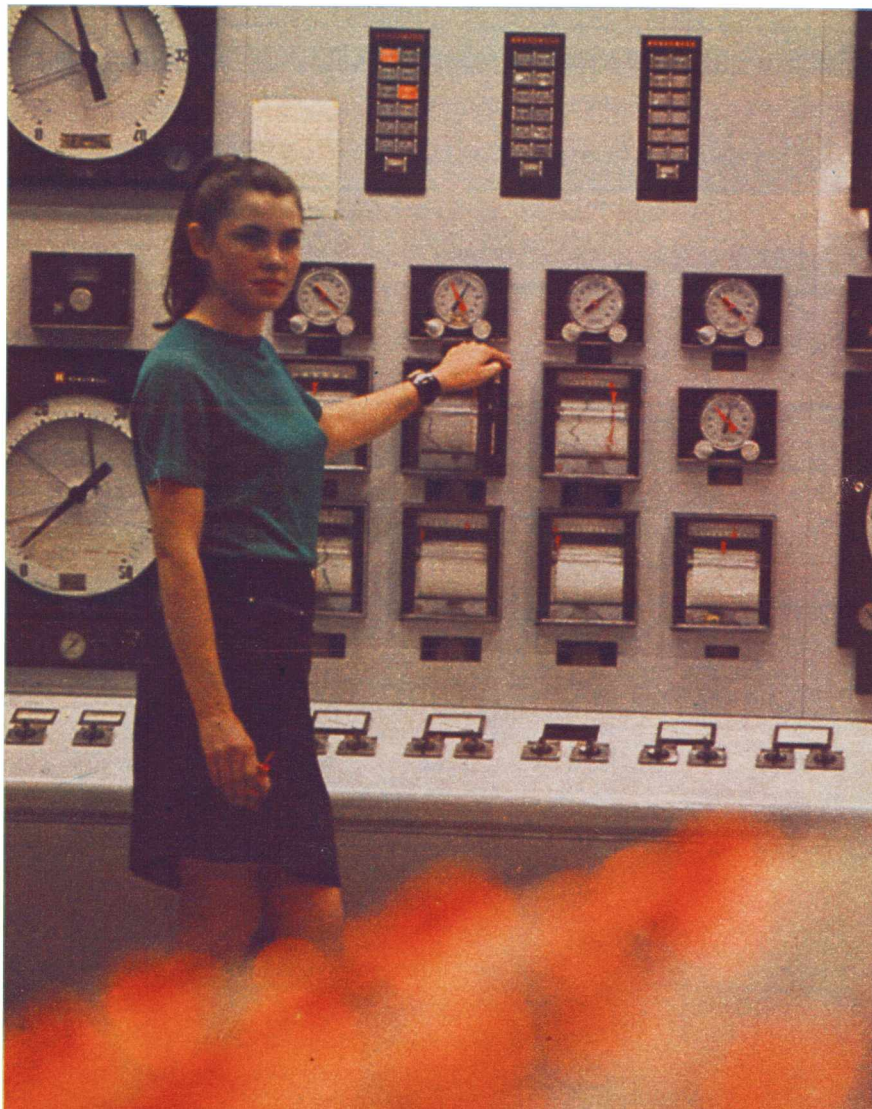
Три ровесника. Три судьбы. Их юность совпала с юностью их республики. Вместе с ней прошли они ее стремительный путь в современность.

* * *

Тысяча километров от Котласа до тундры, семьсот от Мезени до Урала. Это земля Коми, бывший зырянский край. «Зыряне» по-русски дословно означает «оттесненные». В глухую древность пришло из Прикамья на Вычегду одно из племен, осело здесь, смешалось с коренным населением и положило начало нынешней народности коми. Для новгородцев, которые первыми пришли сюда и открыли эти земли еще в XI веке, местные жители действительно казались оттесненными бог весть куда, на край света, «в полунощные страны, где ветры бывают великие». Да что для новгородцев! Сосланный на Вычегду ученый и критик современник А. С. Пушкина Н. И. Надеждин писал: «При разделе земного шара между родом человеческим зырянам достался пай вовсе не завидный. Они живут в глубине Севера, среди лесов дремучих, болот топучих, морозов трескучих. Деды наши, хотя и сами не баловни природы, сами дети полночи, взлезающие на снега выюгами, считали зырянский край тюрьмой».

Таким или почти таким дожил этот край до революции. Хотя к этому времени люди уже немало знали о нем. Знали, что на Цильме еще при Иване III плавляли серебро и медь. В другом месте «делывали» оловянную руду. На Усе находили «каменное уголье», а на Ухте обнаруживалась «горючая вода густа». Была та «вода» первой нефтью России, и там Федор Прядунов строил первый в мире нефтеперерабатывающий завод, а удивительный россиянин купец М. Сидоров бил одну из первых в России нефтяных скважин.

Но по-прежнему молчаливо и нище жила огромная окраина царской империи, а ее вековая недвижность была освящена официальной государственной эмблемой: гербом зырянского края была берлога со спящим медведем. Казалось, время медленно брело по громадным просторам государства и навсегда остановилось тут. И после Октября в материалах к плану ГОЭЛРО его авторам пришлось записать горькие строки о том, что Печорский край

Типографская бумага, изготовленная на фабрике Сыктывкарского лесопромышленного комплекса.

К оленеводам прилетел вертолет.

представляет из себя пустыню, в которой промышленность и культура находятся в зачаточном состоянии. Записать, чтобы тотчас начать невиданный штурм неприступного края.

* * *

Первый Всеизырянский партийный съезд в 1921 году констатировал: край удручающего бездорожья, поголовной неграмотности и гигантских расстояний имел лишь несколько примитивных лесопилок и две жалкие кустарные «фабрики» — соляную и точильную. С чего же было начать?

Начали с лесосплава.

На земле бездорожья было множество дорог — бесчисленных голубых и тенистых речек, густой сетью опутавших край. И были механизмы — пилы и топоры. А люди, взращенные лесом, умели с ним обращаться. Лес — вот чем заявил о себе коми народ во всеулышание в первые же годы Советской власти. Разбивалась сетка лесопунктов. Создавались отряды лесорубов, коновозчиков, сплавщиков. С песнями, гармониями, флагами боролись за «звучную цифру» на делянках, за ударную бригаду, за «комсомольскую речку». И шел лес — моле, плотами, флотилиями плотов и где-то на громадном фронте строительства социализма ложился в корпуса фабрик и заводов, в пески Турксиба, в дома для рабочих. За ту подлинно народную эпопею и теперь можно низко поклониться республике-юбиляру и ее народу.

Начали с «Букваря».

Вот еще один, делающий честь нашей революции факт: жестокая, опустошительная гражданская война в крае окончилась в марте 1920 года, и в том же году образовалось Коми книжное издательство и вышла его первая книга — «Букварь». Народ, не имевший письменности, впервые получил возможность учиться грамоте на родном языке. А следом вышли газеты, журналы, открылись техникумы, профтехшколы, институты. Так начиналось рождение будущих коми инженеров, рабочих, строителей, поэтов, учителей, которые превратили потом свою землю в край передовой индустрии и культуры.

Начали с уважения к человеку труда.

...В Ижемский район я летел к делегату XXIV съезда партии, зоотехнику Розе Семяшниковой. А неделю спустя встретил ее у Никольских ворот Кремля. Она шла во Дворец съездов в ярко-красном костюме, с загорелым от приполярного ветра лицом. И было как-то неожиданно встретить ее такой: всего несколько дней назад видел я ее в малице.

У нее дома, в Сизябске, мы говорили о северных лугах, о кормах, о том, как трудно было району стать молочным цехом республики, хотя удои в три тысячи литров здесь давно не в диковинку. А она все отводила разговор от себя, называла других. И повторяла: «Нас ценят — и мы стараемся».

И тут я вспомнил одну деталь. С 1936 года постоянно встречаешь в Верховных Советах СССР и РСФСР, на партийных съездах, а короче, в Кремле крестьянок из Ижмы, Мохчи, Сизябска и других сел этого знаменитого района. А началось все с телятницы, с Матрены Артевой, вчерашней батрачки, односельчанки Розы. В том году ее первую в районе наградили орденом, и вручал ей его в Москве Калинин. Возвращалась Матрена Трофимовна домой поздней осенью пароходом. На всем пути от реки до села земляки наложили хвою и постелили красные половики. А вскоре избрали Артеву депутатом Верховного Совета СССР.

Дав Коми краю автономию, вернув ему его собственное имя, Советская власть постелила красные половики всему народу: шагай, выходи в люди!

...Была у меня еще одна встреча в Сизябске. На дворе стоял март — время ухода оленеводов со стадами на долгие месяцы в тундру, к океану, и я не смог удержаться, чтобы по старой привычке не проводить их. В доме Афанасия Ивановича Артеева, обставленном вполне по-современному, его друг, с только что полученным орденом Ленина на пиджаке, бригадир Александр Артеев, угощая меня строганиной и рыбой, толковал о новых транзисторах в чумах, о ягеле, нелегком труде пастухов и, конечно, о детях. Их у него шестеро.

Последний родился в походе в прошлом году, 22 апреля. Я спросил, как он его назвал. Артеев улыбнулся:

— Зачем спрашивать? Если бы у меня сын был Владимир, все равно так же назвал бы и этого сына. В такой день родился, как раз в столетие! Ты слышал о том, что Ленин знал про нас?

В 1920 году в селе Усть-Цильме, центре Печорского уезда, куда входил и нынешний Ижемский район, стали издавать крошечную газету «Красная Печора». В марте 1921 года редактор Саша Забоев послал ее Ленину. В июле в газете был опубликован ответ из Москвы:

«В редакцию газетки «Красная Печора», с. Усть-Цильма...

Товарищ Ленин просит передать Вам следующее:

«Спасибо, дорогие товарищи, за присланную газетку «Красная Печора». От души желаю Вам успеха в нашей трудовой общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага, точно так же, как одолели внешнего».

С коммунистическим приветом заведующий приемной Совнаркома Соколов. Начканц Соколин».

Да, не только в этом уезде, во всем Коми крае многое начиналось непосредственно с Ленина. 13 июля 1918 года В. И. Ленин на заседании Совнаркома поручил ВСНХ внести свои предложения о поисках угля и нефти на Печоре. В августе 1918 года голодающему Коми краю с ведома Ильича было отправлено 105 тысяч пудов хлеба. В том же году Ленин дал указание о предварительных изысканиях для строительства железной дороги Котлас — Ухта. В 1919 году Главный нефтяной комитет по распоряжению Ленина направил на Ухту экспедицию. Она туда не дошла: на Севере разгорелась борьба с англо-американскими интервентами. В марте 1920 года, сразу после изгнания белых и интервентов, Ильич шлет в Архангельск телеграмму представителю ВСНХ: «Постарайтесь разыскать или поручите разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты...»

Потрясающая настойчивость! Вспомним: триста лет романовской династии не оставили на этой земле ни одного завода или фабрики, ни одного километра дорог. А тут всего три года Советской власти, задыхавшейся в тисках голода и войны, — и какой размах, какое упорство, какая вера! Пройдет десять лет, и ленинская забота начнет давать здесь свои невиданные плоды.

...Плоты с геологическими экспедициями причаливали к берегам рек. На Ухте скрипели воротки. Глухомань оживала, курилась дымами костров исследователей, открывателей. Жили тут два человека, два Черновых. А. А. Чернов, профессор, Герой Социалистического Труда, патриарх геологии Коми края, и Г. А. Чернов, доктор геологических наук. Отец и сын. Отец открыл для страны Печорский угольный бассейн, сын — его жемчужину — Воркуту. Недавно я спросил Георгия Александровича Чернова, как это было.

Если коротко, то было так. Много отрядов разошлось по тайге и тундре в 1930 году. Он и четверо коми рабочих — А. Канев, Н. Шахтаров, Н. Пыстин и А. Попов — двинулись на нем не хоженную, безвестную речку Воркуту. Шли через десятки порогов, тащили лодку берегом. Сивозь ветер, холод, мошару. Драли голыми руками снудные тундровые березки, чтобы развести топливный костер: они еще не знали, что шли по топливу. Потом увидели угольные выступы в берегах. Вскрыли пласты: много угля! И какого! Не было ему цены... Чернов был еще очень молод тогда и сам не верил, что открыл такое богатство. Вернее, верил, но радость открытия убивало сомнение: когда и кто сможет пробиться сюда, в эту страшную даль?

...Они сварили хариусов на угле. Это была первая служба, которую сослужил воркутинский уголь человеку. Чернов думал: и пока, наверное, последняя. Каково же было его изумление, когда через год, вновь возвращаясь с Воркуты, он увидел: навстречу поднимались лодки с лесом, лебедками, буровыми! «Все стремились тогда вверх, одни мы вниз», — закончил свой рассказ Чернов. Это первые отряды строителей шли на Воркуту.

Нелегко покорялась эта земля. В Воркуте и сейчас копи тундру в любом месте, и на лопате заискрится инеем крапины вечного льда.

Эту землю жгли, рубили, пилили; если не выдерживали кайла и отскакивали от скованного льдом грунта топоры, люди пилами отваливали глыбы земли в котлованах под фундаменты домов и копы шахт. Сюда, на голое пространство, надо было завозить каждый кирпич, доску, гвоздь — по первозданному, бесконечному бездорожью.

А с юга уже тянулись рельсы, и не до Ухты, как намечал Ленин, а до Воркуты, почти до самого Ледовитого — сразу больше чем на тысячу километров. Много лет назад в Печоре я записал рассказ машиниста Л. Деревянко, который вел в осажденный Ленинград первый эшелон с углем из Воркуты:

«Война до предела сжала сроки строительства. Уголь был позарез нужен Ленинграду, Северному флоту. Строители кляли шпалы прямо по «зеленке», а зимой — на промерзшую землю, без балласта: его насыпали потом. Не было моста через Печору, рельсы пролегли по льду. По этой временке и повел я первый состав. Не было станционных служб, semaфоров, воды. Топили снег для парового котла. Под Сейдой нас замело — торчала только труба паровоза. Почти сутки откапывали эшелон. В топку бросали дрова, люди на станциях мерзли от лютых морозов, а рядом в вагонах лежал уголь, но никто не взял его, ни грамма. — то было в полном смысле черное золото».

Сколько в этих краях старожилов, столько можно услышать подобных рассказов. Так же трудно и мужественно вставала нефтяная Ухта, поднимались Инта и Печора, Микуны и Сосногорск. И у каждого города была своя профессия: нефть, уголь, лесная индустрия или транспорт...

* * *

Я рассказал, как начиналась эта земля. А что стало? Сравнивать здесь прошлое и нынешнее — все равно, что стаканом измерять море. Даже тем, кто хорошо знает край, все труднее поспевать за его жизнью — так быстро стареют вчерашние записи, факты. Лет пять назад я познакомился с жизнью старинного, глухого коми села Пыёлдино, из которого вышло семнадцать ученых, Герой Советского Союза, поэт. Теперь к ним надо добавить заслуженную учительницу республики, министра, художника, капитана дальнего плавания, Героя Социалистического Труда, секретаря обкома, археолога, солистку музыкального театра. А помните: начинали с букваря!

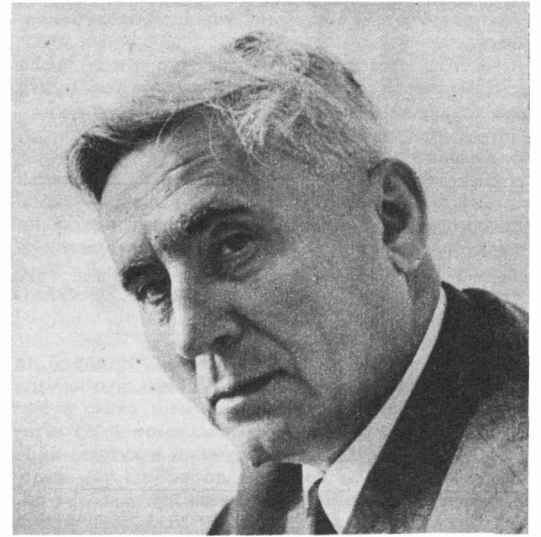
И тогда же начинали с лесосплава... Я рассказывал о бывших сплавщиках — актере, учителе, поэте. А мог бы взять для примера рабочего, колхозника, министра, инженера, ученого, врача — у всех найдется здесь в трудовой биографии эта строка: лесоруб, сплавщик. Причину такого совпадения объяснил мне однажды автор знаменитой «Свадьбы с приданым» Николай Дьяконов: «Лет тридцать мои земляки подпирали страну в основном кругляком. Оттого и профессия в молодости у всех одинаковая...» «Вы тоже на сплаве работали?» — спросил я. «А как же! Об этом и была моя первая пьеса — «Глубокая запань».

Подпирали страну кругляком... Долго, упорно, яростно. Пока она «строилась, дыбилась» гигантами индустрии, пока воевала, пока вставала из пепла после войны. Но лес не только уходил отсюда. Он и возвращался назад — рельсами Печорской магистрали, копрами шахт «Северного Донбасса», заводами, станками, машинами, буровыми. И вот наступила новая пора: республика стала краем мощной лесной индустрии и лесохимии. Лес бассейна Сысолы, на берегах которой родился учитель Захаров, давно уже идет на сыктывкарские лесозаводы, где превращается в первосортные пиломатериалы. На родине поэта Серафима Попова, в селе Жешарт, реконструируется прежняя фанерная фабрика, она становится крупным комбинатом по выпуску фанеры и древесностружечных плит. И нет теперь деревушки Слободы, где когда-то артист Иван Аврамов мечтал о сцене. На ее месте строится гигант лесохимии, брат Братска — крупнейший в Европе Сыктывкарский лесопромышленный комплекс: сразу семь заводов и фабрик на одной промплощадке. Лес целиком, от стволов до опилок, превращается здесь в мелованную бумагу, картон, фанеру, мебель, целлюлозу...

Да, совсем иной стала теперь коми земля! Не зря в прежних названиях некоторых здешних газет «За новый Север» убрано ныне слово «за». Север давно стал новым.

Сыктывкар — Ижма — Москва.

ВОЗВРАТА НЕТ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

С какого бы места ни взглянуть, отовсюду можно увидеть этот яр с его суглинистой красной грудью. И с правого берега, когда объезжаешь донскую петлю по верхней, степной дороге, а он с оттожинами как будто раскрылатился над Задоньем. И с левого, низменного берега, когда из-под перьев полыни, из нор, изрывших суглинок яра, то и дело выметываются щуры на перехват пчел, летающих из степи через Дон за взятком. Так и норовят прервать эту золотистую нить, сотканную пчелами между берегами.

А когда обледеневает полынь, забрызганная водой из коловерти, никогда не замерзающей под яром, он со своей взъерошенной грудью и совсем может напомнить какую-то большую птицу, зазимовавшую на слиянии Северского Донца с Доном. С наступлением же весны ее перья опять будет кровавить исподнизу фарватерный бакен.

Когда Антонина Каширина рассказывала на районной партконференции, какими еще иногда путями приходится председателям колхозов добывать стройматериалы и как, например, ей самой пришлось убежать на грузовике с крепезным лесом из-под огня милицейского кордона, выставленного между городом Шахты и придонскими хуторами, секретарь райкома Неверов, от души посмеявшись вместе со всеми над этим приключением и протирая клетчатым платком запотевшие стекла очков, принародно подтвердил:

— Скажи спасибо, что не подстрелили тебя тогда, а то бы нам теперь пришлось тебя из партии исключать. Но, как говорится, не пойманный — не вор, а победителей не судят. зернохранилище вы из этого леса отгрохали на весь район.

И он первый заплотодировал ей, высоко поднимая над столом президиума руки, когда она сходила с трибуны на свое место в зале клуба.

Но через месяц он же не замедлил вынести на бюро райкома ее персональное дело, когда из области поступил запрос, до каких это пор райком будет закрывать глаза на неблаговид-

ные действия и недавнее темное прошлое председателя Бирючинского колхоза Кашириной. Среди тех двухсот сорока трех делегатов районной конференции, что до слез смеялись тогда, слушая ее чистосердечный рассказ о злостных с лесом, оказалось, нашелся и тот, кто смеялся вместе со всеми только для вида. Теперь Неверов говорил на заседании бюро райкома:

— Мы тогда не имели точных данных, что это был действительно краденый крепезный лес, а теперь у нас есть неопровержимые доказательства, и это меняет все дело.

Он говорил это, не вынимая свою трубку изо рта, и, видимо, потому речь его была не совсем внятной. Каширина не смогла удержаться от возгласа:

— Но я же сама, Павел Иванович, об этом рассказывала!

Вынув трубку изо рта, Неверов постучал ею по стеклу на столе:

— У тебя, Каширина, еще будет время высказаться. В том числе и о том, как ты, еще будучи бригадиром, эвакуировала колхозный скот.

Ее удивление еще больше возросло:

— И про это, Павел Иванович, все в районе знают. Сразу же за Донцом нас отрезали танки.

Выбивая из своей трубки пепел и склонив набок черноволосую, с сединой голову, Неверов вслушивался в щелканье трубки по настольному стеклу.

— И колхозное стадо чуть не попало в руки к врагу.

— Нет, Павел Иванович, мы схоронили коров в лесу. Ни одна не попала.

— Но могли попасть. В конце концов это почти одно и то же.— Натолкав пальцем в гнездышко трубки табак и закурился, Неверов окутался облаком дыма.— Удивительный ты, Каширина, человек. Если тебя послушать, так и то, что ты оставалась на оккупированной территории, тоже был высокопатриотический акт.

Павел Иванович Неверов говорил все это своим тихим голосом. Он никогда на людей не

кричал, и тем не менее в районе считали, что у него есть хватка. Теперь Каширина явственно почувствовала ее.

— Я же, Павел Иванович, не одна...

— И немцы так и не смогли узнать в вашем хуторе, что ты кандидат партии!..

— У нас в хуторе, Павел Иванович, предателя не было.

— И это в казачьем-то хуторе?

На этот вопрос она не ответила, и Неверов продолжал спрашивать:

— А между тем, если не ошибаюсь, в твоём доме располагался чуть ли не их штаб? Во всяком случае, жил какой-то высокий чин со своим денщиком. По крайней мере этого ты не станешь отрицать?

— Они, Павел Иванович, у нас не спрашивались, где им жить.

— А ты не гордись,— по-отечески пожурил ее Неверов.— Гордыня твоя здесь не поможет. Перед партией надо чистосердечный ответ держать. У тебя же получается стечение странных случайностей. Задание райкома по эвакуации коров не выполнила, потому что танки отрезали. Немецкий штаб у тебя в доме — тоже по игре случая. И при этом ни единая душа не намекнула им о твоей принадлежности к партии.— Неверов вынул изо рта трубку и обвел членов бюро взглядом: — И это-то, товарищи, не в каком-нибудь ином, а в казачьем хуторе?!

Члены бюро потупились. Лишь тезка Кашириной, второй секретарь райкома Антонина Ивановна Короткова, возразила:

— Насчет казаков, Павел Иванович, это вы напрасно. Я вам просто удивляюсь: это явно устаревший взгляд. Как мы и теперь убедились, у немцев с казаками так ничего и не вышло.

— Ты по существу,— покуривая трубочку, заметил ей Неверов.

У Антонины Ивановны Коротковой на смуглое лицо набежала тень. Она встала, одергивая серую вязаную кофту на широких бедрах.

За прямоту ее в районе уважали и побаивались.

— Я по существу и говорю, что и в вопросе с Кашириной с вами не согласна. Как будто мы ее знаем один день...

— В том-то и дело, Антонина Ивановна, что, оказывается, не все знали.

Она откинула со лба густые темные волосы.

— Но я хорошо знаю, что другого такого предколхоза у нас в районе больше нет. А на подобные преступления со стройматериалами мы сами же председателей толкаем. Да еще и радуемся публично: победителей не судят. Неверов слегка покраснел.

— И тем не менее из обкома...

— А мы уже сразу испугались... И давай на одного человека все вешать. Знаем, что немцы на переправе отрезали весь наш скот, а Каширина одна отвечает. То же самое и со штабом. Да у нее же самый лучший в хуторе кирпичный дом. Мы сами ее до войны как знатного виноградаря премировали. И если тут сама Каширина о себе молчит, то я вынуждена сообщить членам бюро тот факт, что у нее на подворье скрывался при немцах наш раненый лейтенант.

Неверов выпустил из трубки клуб желтого дыма.

— Если есть факт, то должны быть и доказательства. Его кто-нибудь видел?

— По-моему, нет. Она его выходила, и потом он решил пробраться к своим через фронт.

— Странно.

— Ничего странного в этом нет. Не могла же она всем в хуторе рассказывать, что у нее прячется раненый лейтенант. Если он потом остался живой, то, может быть, еще объявится, напишет. А может быть, уже написал? — И Короткова повернулась к своей тезке: — Каширина Антонина, ты почему молчишь? Сейчас ведь решается твоя судьба...

Если бы Короткова не произнесла этих слов о лейтенанте, которого Каширина прятала у себя на подворье, то, может быть, и не произошло бы на заседании бюро райкома того, в чем она потом всегда раскаивалась и только из гордости не хотела в этом признаться. Нет, с того самого дня, как он ночью ушел, даже не простившись с нею, она ничего о нем не знает и он не написал ей ни строчки. Или его нет в живых, или... И слова сочувствующей ей Коротковой упали на самое болезненное место. Никогда и ни с кем она не говорила о том, на что тщетно надеялась, за исключением того давнего случая, когда Короткова приезжала в командировку к ним в колхоз и Антонина в порыве внезапной откровенности показала ей в углу сада ту яму под гребешком яра, где она прятала раненого лейтенанта. И теперь, после слов Коротковой, все сразу вдруг опять нахлынуло на нее, и ей представилась вся беспочвенность ее надежд и ожиданий. А Неверов, покуривая свою трубочку, смотрел на нее: — Странно...

Действительно, странно и нелепо было с ее стороны все эти годы чего-то еще ждать, на что-то надеяться. И натянутые до предела струны души уже не смогли всего этого выдержать. Ни той вопиющей несправедливости, с которой здесь обходился с ней Неверов. Ни мгновенного осознания всеми обострившимися чувствами, что впереди у нее ничего уже нет и все ее затаенные надежды — это, в сущности, прах и тлен. Ничто, стидливо взлелеянное ею, конечно, уже не сбудется, не может сбыться. Поздно.

Неверов с недоверчивой понимающей улыбкой смотрел на нее, повторяя:

— Странно...

Так нет же, не дожидаться ему, чтобы она сейчас открыла ему свое измученное сердце. Даже если от этого и зависит ее судьба. Все, что произошло на бюро райкома в дальнейшем, Антонина всегда вспоминала впоследствии как неясный и дурной сон. И лишь с отчетливой яркостью она потом помнила всегда, как вдруг у Неверова вытянулось лицо и отвисла в углу рта трубка, когда она, выхватив из-за лифчика завернутую в платочек кандидатскую карточку, кинула ее перед ним на стол: «Нате! Исключайте, мне теперь все равно!» Напрасно Короткова испуганно уговаривала ее: «Антонина, что ты делаешь, опомнись!» — и при этом пыталась всунуть карточку обратно ей в руки. Антонина отодвигала ее от себя и придвигала на столе к Неверову. «Ан-

тонина, возьми, ты потом сама же будешь жалеть!» — испуганно уговаривала ее Короткова. Но тут уже Неверов после первого потрясения пришел в себя, лицо у него почернело, и он, вставая за столом, закричал на Короткову: «Нет уж, извините, карточку мы ей не вернем! Мы никому не позволим глумиться над партией!»

Антонина не помнила, как она повернулась и выбежала из райкома на станичную площадь, где стояла ее запряженная в бедарку лошадь. Не запомнила и того, как отъезжала она от ствола акации. И из всего потом — не столько в ушах, сколько в сердце — остался у нее стук копыт лошади, которая сама с приспущенными вожжами должна была отыскивать себе дорогу от районной станицы до их хутора. И еще то, что чем дальше увозила ее бедарка вперед по степи, к ее дому на яру, распростершему свои отхожины над Задоньем, тем все глубже в своих мыслях уносилась она назад вместе с отлетающей под колесами дорогой. Возвращаясь в то самое время, которое вдруг с такой силой всколыхнулось в ней при сочувственных словах Коротковой.

* * *

При отступлении наших войск от Ростова к Сталинграду летом 1942 года остался на подворье у Антонины Кашириной тяжело раненый командир той самой артбатареи, которая прикрывала своим огнем с яра подходы к переправе через Дон. После того, как чья-то рука ночью перерубила зубилом трос паромы, единственно еще и соединявшего правый берег с левым, ничего иного не оставалось артиллеристам, как с раската на руках сбросить орудия с яра в воду и самим вплавь, придерживаясь батарейных лошадей, переправляться на займище. И хоть бы еще какой-нибудь плохонький баркас остался под рукой — все уже угнали на левый берег солдаты других отступающих частей, гражданские беженцы.

Но и пристрелить своего раненого командира, как на том сам он настаивал, когда приходил в память, ни у кого не поднялась рука. С лейтенантом Никитиным батарея с боями отступала от самой румынской границы. И теперь, вынужденно оставляя его на попечение хозяйки того самого подворья, где располагалась батарея, политрук сурово предупреждал ее:

— Смотри, красавица, этим же самым путем мы будем возвращаться обратно. Вашего хутора никак не миновем. Сумеешь нам нашего командира сберечь — честь тебе и хвала, и, может, даже к медали или ордену тебя представим, а не сбережешь... — Он дотронулся рукой до кобур своего ТТ.

— Ни медали, ни ордена твоего мне не надо и не грози ты мне, пожалуйста, политрук, — склоняясь над раненым лейтенантом, отвечала хозяйка подворья, рослая казачка лет тридцати с небольшим. — Лучше помоги мне его скорей тут в одно место перенести. И оставь мне побольше бинтов с ватой. А чем этой штукой меня пугать, ты бы лучше попугал его немцев.

— Я же это в шутку, — заискивающе сказал политрук.

Если б не безвыходное положение, ни за что бы не позволил он себе бросить своего боевого товарища на произвол судьбы. Тем более что хутор, где приходилось его оставлять, был казачий. А политрук, сам из орловских, давно слышал, не раз видел в кино и твердо уверовал, что на казаков в таких случаях нельзя положиться. И хотя бы расспросить можно было у кого-нибудь, что за человек эта смуглая, красивая казачка: все люди, когда начался бой за хутор, куда-то разбежались и попрятались, как сквозь землю провалились. Сама же она оказалась не из словоохотливых, на все вопросы отвечала с не внушающей доверия односложностью:

— Колхозница.

— Рядовая? — пробовал допытаться у нее политрук.

— Теперь мы все стали рядовыми.

— А почему не эвакуировалась вместе со всеми? С колхозом?

— Кто-то должен и тут оставаться.

И когда политрук все же продолжал настаивать:

— А вот другие — и многосемейные и большие — все едут, не хотят под немца подпадать. А у тебя один только сын...

Она вдруг повернулась к нему с такой стремительностью, что он попятился.

— Ты меня не агитируй, я сама тебя сагитировать смогу. Ты бы лучше со своими пушками закрыл нас с коровами от танков, когда мы сунулись через Донец. Вы-то теперь пушки под яр покидали и сами скоро за Дон стрекача, а нам хоть с яра сигай.

Все это особенного доверия не внушало. И уже после того, как орудийная прислуга переправилась под огнем немецких танков на левый берег, политрук батареи с бойцами еще долго выглядывали из молодых пушистых вербочек на то хуторское подворье на высоченном яру, где они оставили своего командира. Запоминая, внимательно рассматривали из-за Дона и большой, насаженный на самом яру сад, и кирпичной кладки хороший дом, выглядывающий из кустов винограда. С трех сторон усадьба была обнесена глухим дощатым забором, а четвертой, незагороженной, обрывалась прямо в Дон.

Там, в глубокой выемке, из которой хозяйка этой усадьбы брала для своих домашних нужд красную глину, и лежал теперь их тяжело раненный в голову и в грудь комбат Никитин.

* * *

Самым опасным оказалось не только то, что с приходом немцев в хутор в доме у Кашириной сразу же поселились офицер с денщиком и ей с первого же дня пришлось подстерегать моменты, чтобы незаметно проскользнуть в угол сада к лейтенанту, но и то, что до них каждую минуту могли донестись его крики, когда он, опять впадая в беспамятство, начинал командовать:

— Бусоль... уровень... прицел... четыре снаряда... беглый огонь!!!

И он, как в клетке, начинал биться в выемке, без того тесной для его большого мужественного тела. Антонине, если это было при ней, приходилось своей ладонью задавливать его крики, а уходя, связывать ему руки и ноги, чтобы он без нее как-нибудь не выкатился из ямы, не свалился с яра в Дон. Хорошо еще, что за всю неделю, пока он совсем не пришел в память, ни разу не задул из-за Дона обычный по этому времени астраханец и не донес его крики из-под яра до дома. Иногда, правда, денщик офицера, Иоганн, начинал прислушиваться, повернув в ту сторону голову и оттопырив рукой желтое ухо, но крики глохли в густой дерезе. И Антонина поднимала во дворе какой-нибудь шум: гремела ведрами, начинала громко звать с улицы своего сына Гришатку или же, таяя траву среди деревьев сада, вдруг запевала высоким голосом одну из своих женских казачьих песен, к великому удовольствию денщика, Иоганна. Смесь и хлопая в ладоши, он заказывал ей «Катюшу». Даже его начальник, майор, если он был дома, высовывался во двор из раскрытого окна, интересуясь.

И потом ей опять надо было ловить момент, чтобы, подхватив из-под виноградного куста сумку с харчами для лейтенанта, суметь прошмыгнуть под яр.

На вторую неделю, когда на ранней заре она спустилась к нему в яму, он встретил ее словами:

— Больше ты не связывай меня. — И тут же требовательно спросил: — А где мой пистолет?

И по его взгляду, мерцающему из полутьмы ямы, она поняла, что теперь уже может безбоязненно отдать ему и пистолет и автомат с патронами, оставленные для него политруком и спрятанные ею в дерезе. Вместе с большим артиллерийским биноклем на тонком ремешке.

Этому биноклю он, кажется, обрадовался больше всего, потому что сразу же и захотел взглянуть на тот берег Дона. Но тут же, едва приподнявшись на локте, рухнул обратно на матрац. Свежая кровь проступила у него сквозь бинт на груди.

— Гляди, опять свяжу,— перебинтовывая его, пригрозила Антонина.— Мне тут некогда с тобой возиться.

И, покоряясь, он пообещал ей совсем как, случилось, ее тринадцатилетний Гришатка:

— Больше не буду.

Кроме индивидуальных санпакетов, собранных политруком со всей батареи и оставленных Антонине, у нее еще нашлись пузырек с йодом и коробочка с марганцем — и больше никаких лекарств. Надо было обойтись теми средствами, какими, бывало, обходились ее отец с матерью и сама она с детства: листом рапины, лучше которого ничто не могло так вытянуть жар и очистить рану, и настоем травы вербочки, от которой густела кровь и затвердевали рубцы. Благо, что горшками с колючим рапином у нее всегда были заставлены подокозники, а вербочка сплошь кудрявилась по берегу Дона, стоило лишь спуститься с яра. Неплохо, конечно, было бы привести к лейтенанту с того края хутора бабушку Иванчиху, умевшую заговаривать раны. Но и нельзя было понадеяться, что после этого она завяжет на узелок язык: к девяносту трем годам у нее уже не держали утробы.

Но было и свое преимущество в том, что у нее стояли такие квартиранты: никому в голову не могло прийти, что на том же самом подворье может прятаться советский лейтенант. И полиция из района, братья Табунниковы, регулярно наезжавшие в хутор, наводившие по дворам ревизию в поисках сбежавших из немецких лагерей военнопленных, предпочитали не сворачивать по травянистому следу к ее дому, у которого почти всегда дежурил большой темно-синий «мерседес». Получалось, что под такой защитой можно было жить и чувствовать себя спокойно, если только уметь поостеречься своих же собственных квартирантов. В особенности, как выяснилось вскоре, денщика, Иоганна, так и следующего за Антониной по пятам, откровенно обгладывающего ее бедра и грудь своими бесстыжими, без ресниц глазами.

А ведь у нее были свои часы, которые ей никак нельзя было пропустить, чтобы не опоздать вовремя и перевернуть с боку на бок все еще беспомощного лейтенанта, и перебинтовать его, и покормить куриным бульоном с ложечки, помочь ему сделать то, с чем он без ее помощи еще долго не мог управляться.

Из всего, в чем он безропотно ей покорялся, это, судя по всему, оказалось для него самым трудным. Всякий раз она чувствовала, как под ее прикосновениями все его тело начинает дрожать от отвращения, и, как только она заканчивала, он требовал от нее, отворачивая голову к стенке:

— Уйди!

Ей же — она сама себе удивлялась — все это ничуть не было неприятно, не говоря уже о том, чтобы противно, несмотря на всю свою брезгливость, из-за которой ей еще в детстве перепало от матери по затылку, когда она, как только пошла в школу, отказалась есть вместе со всеми из общей миски.

Почему же ей могло быть неприятно или даже противно, если кожа у лейтенанта была чистая и такая тонкая, что сквозь нее проступали голубые жилки... Нигде не порченная. И все тело, несмотря на жар, иссушающий его, не какое-нибудь дряблкое, а как тугое тесто. Ей только страшно жаль было, пусть и невольно, причинять ему боль, отдирая бинты, которые никак не хотели отставать от ран, хотя она и отмачивала их марганцовкой. Но так ни разу и не услышала она, чтобы он застонал или заругался. Только зернами пота покроеся лоб, и он прикрывал глаза, плотно прикусив губу. Сразу же после этого и засыпая, по обыкновению отвернув к стенке голову. Стружка рыжеватых волос, прилипшая к его лбу, светилась в темной яме. Она неслышно вытирала ему лицо и шею платочком. Ей приходилось и расчесывать его, пока он не начал сам поднимать руки.

Тогда он решительно начал отказываться и от всех ее других услуг. То отбрав у нее чайную ложечку, с которой она поила его бульоном, то перехватив пальцами ее руку с кружкой молока, а вскоре лишив ее и обязанности регулярно обтирать его полотенцем, смоченным в тарелке с разбавленным водой виноградным спиртом, хотя она и опасалась,

как бы у него не появились пролежни, потому что ему еще трудно было доверху дотянуться руками. Но он настоял.

И только сбрить свою рыжеватую бороду, которой он успел обрасти за это время, ему так и не удалось опасной бритвой, лежа на спине, да и темно было в яме. В конце концов он бросил свои попытки, присовокупив:

— С такой бородой в дороге еще лучше будет.

А когда она, не сразу поняв, переспросила:

— В какой дороге?

Он ответил на ее вопрос своим вопросом:

— Что ж, по-твоему, мне зимовать придется в твоей яме?

Об этом она до сих пор не думала и не нашла, что ему ответить, хотя ей и показалось, что он мог бы не говорить этих слов: «...в твоей яме».

Но ведь и не обижаться же ей было на него, без того обиженного, обреченного вдали от своих товарищей, как волк, прятаться в этой темной и душной яме. На своей же земле.

Из-за денщика, не оставляющего ее в покое, у нее совсем не оставалось времени для разговоров с лейтенантом, и она могла позволить себе лишь обмениваться с ним короткими словами, когда наскоро перебинтовывала и кормила его. Она едва успевала на его вопросы отвечать:

— Ты своими глазами видела, когда они через Дон переплывали? Сама?

— Сама.

— И не накрыли их?

— Не должны бы накрыть, потому что с утра был туман.

— Но все-таки немцы заметили их?

— Когда они уже должны были к берегу подплыть.

— С лошадьми?

— С лошадьми.

— А кто же, по-твоему, мог на пароме трос перерубить?

— Из наших хуторских никто не мог. Я тут всех знаю.

Ей и самой хотелось кое о чем расспросить его, но он не давал слова вставить.

— Откуда ты знаешь, что этот офицер из докторов?

— От денщика.

Ложечка с бульоном лишь чуть-чуть вздрагивала у нее в руке, но он тут же осведомлялся:

— Ты что?

— Ты бы меньше разговаривал, а больше ел, — с досадой выговаривала она ему.

— Я уже наелся. С твоего бульона у меня скоро тут горло жиром заплывет. — И тут же продолжал свой допрос: — Разве он по-русски знает?

— Не очень, но понять можно.

— И что же он еще говорил?

— Это он только когда накладывается пьяный, а так все больше молчком, — отвечала она, сосредоточенно обматывая бинтом ему грудь, пробитую осколком.

— Еще не хватало тебе его вином поить.

— Вчера он говорил, что скоро они должны Сталинград взять.

— Ну, этот орешек им не по зубам.

И после этого он надолго замолкал, отвернув голову к глиняной стенке ямы.

Вскоре уже она не смогла запретить ему вылезать из ямы, и, не считая ночи, он теперь все время проводил наверху, лежа на животе в дерезе и внимательно рассматривая в свой бинокль правый и левый берега Дона. Как-то и ей он дал глянуть в бинокль. От неожиданности она чуть не вскрикнула, вдруг увидев прямо перед собой проросшие сквозь белопесчаный откос красноватые корни левобережных тополей и верб, пьющих воду из Дона. А внизу, под стеной яра, с такой сумасшедшей силой бурлила вода, что нельзя было смотреть, и она поспешила вернуть ему бинокль.

Как-то застала она его за тем, что он аккуратно раскладывал на припеке по краешку ямы огрызки хлеба.

— Это ты к чему?

Он усмехнулся.

— Сухари никогда не могут помешать.

Испугавшись, что он отрывает хлеб от себя, она предложила:

— Теперь я тебе буду больше хлеба приносить.

Он успокоил ее:

— У меня все равно остается. И вообще не положено разьедасться через край, чтобы развязывался пупок. Потом будет трудно отвыкать.

— У меня, слава богу, мука еще есть.

На что последовал немедленный ответ:

— Не век же мне тут на твоих харчах загораживать.

В другой раз, когда она отыскала его в дерезе по обыкновению изучающим в бинокль берега Дона и луговое Задонье, он, повернув на шорох ее шагов голову, неожиданно заинтересовался у нее:

— А Гришатка твой в какой уже класс ходил?

— В шестой, — ответила она, еще больше удивляясь тому, что такой ответ его явно обрадовал.

— Значит, у него где-нибудь в книжках учебник географии должен быть. Ты, пожалуйста, поищи его для меня.

И когда на другой день она принесла ему этот Гришаткин учебник, он тотчас же раскрыл его перед собой в том месте, где вклеена была карта, и стал ползать своим артиллерийским биноклем по левому берегу, время от времени отрываясь, чтобы узнать у нее:

— Эту просеку зачем прорубили через лес?

— Сено с займища возить. — И, увидев, как светлые остья бровей тут же поползли у него кверху, она поспешила пояснить: — С заливого луга.

— А что это дальше за столбы?

— Там дорога.

— Ты когда-нибудь ездила по ней?

— Как-то в Сталинградскую область за пленным бугаем для колхоза, а оттуда гнала его пёши.

Он заметно оживился и попросил ее:

— Ты мне, пожалуйста, расскажи об этом подробнее. Какая там местность? Тоже все время только степь или же и леса есть?

Еще с тех пор, когда его батарея располагалась у нее на подворье, запомнилось ей, что был он не из тех военных, у которых не обходится без заигрываний с их квартирными хозяйками, когда фронт перекатывается через новую местность. И теперь ни разу не попытался затронуть ее, даже после того, как от его ран уже не надо было отмачивать бинты марганцовкой. Лишь однажды, когда она пришла к нему, еще не остывшая после купания, которое устроила себе в летней кухне в отсутствие своих постояльцев, вдруг смутил ее словами:

— А ты красивая... — И, продолжая смотреть на нее так, будто увидел ее впервые, спросил: — Этот... офицер не пристаёт к тебе?

— Нет, нет! — с поспешностью ответила она.

— Правда?

— Да, правда, — испуганно заверила она, заметив, как вздрогнула его рука на траве рядом с автоматом, с которым он не расставался и тогда, когда вылезал наверх из ямы.

Хотя это была и не вся правда. Вопреки всем ее опасениям, связанным с появлением у нее в доме немецкого офицера, она вскоре убедилась, что его ей не надо бояться. Ей ни за что не догадаться об этом, если бы денщик не намекнул ей как-то в приливе пьяной откровенности, что ее тринадцатилетнему сыну не стоит слишком часто попадаться на глаза майору:

— Чтобы он случайно не сделал из него свой маленький русский фраз.

И тут же, по ее лицу убеждаясь в ее полном невежестве на этот счет, денщик с удивительным пояснял, хлопая себя ладонями по бокам и закукарекав так, что какой-то петух отозвался ему на другом краю хутора.

Она бы и после этого не поверила ему, если б вскоре и сама не убедилась, что ее квартирант, молодой и по-женски красивый офицер, действительно смотрит на нее как на пустое место. Встречаясь в калитке или же где-нибудь в саду и с неизменной вежливостью уступая дорогу, он скользил куда-то поверх ее плеча отсутствующим взглядом. И, как все больше начинала убеждаться Антонина, не его ей следовало остерегаться, а в первую оче-

редь того же денщика Иоганна, который чем дальше, тем все откровеннее прицеливался к ней своими стоячими глазками из-под желтых, как придорожная колючка, бровей.

Первое время ей еще удавалось накачивать его с вечера виноградным вином со своего сада так, что он тут же и засыпал и никакая сила не смогла бы его разбудить. Но вот уже и ее запасы стали подходить к концу, и тот, другой хмель, от которого все больше багрово-мутно наливались его глаза, как у племенного хряка на ферме, уже не полностью растворялся в вине. И сравнительно сдержанный в присутствии своего майора, в его отсутствие денщик становился особенно назойливым, не отставая от нее ни на шаг. Еще ни разу, правда, он не сделал попытки справиться с ней силой, может быть, и не надеясь на это, потому что была она женщиной рослой, сильной, но и не оставлял ее в покое, ни на шаг не отступая ни тогда, когда она готовила в летнице обед, ни тогда, когда полола траву меж виноградных кустов, ни даже тогда, когда спускалась с ведрами по воду к Дону. Уже и по ночам начинал бродить вокруг летницы, куда перебралась она с Гришаткой из дома, и не раз испытывал прочность двери, запираемой ею изнутри на большой деревянный засов.

И тогда Антонине пришлось пригрозить ему, что она пожалуется майору, которого, как успела заметить, денщик панически боялся. Скорее всего потому, что, как сам же и рассказывал, уезжал его майор каждый вечер на своем «мерседесе» не куда-нибудь, а в гестапо, где в его обязанности входило приводить в чувство партизан и пленных красноармейцев, когда они теряли на допросах память. Возвращаясь, майор обычно по целым дням просиживал перед зеркалом за бутылкой, время от времени чокаясь со своим двойником в зеркале, осушая алюминиевую стопочку шнапса.

На какое-то время после ее угрозы Иоганн присмирел, но после того, как опять стал ловить ее по куткам и она вынуждена была повторить свою угрозу, он вдруг заявил с ухмылкой на конопатом лице, что тоже может кое о чем рассказать майору.

— Например,— пояснил он, притиснув ее в сарае к стенке,— зачем ты варила в кастрюле на печке столько бинт, а я открывал крышку и посмотрел.

И, не давая ей опомниться от мгновенно подкосившего ее страха, он грубо воспользовался ее слабостью тут же, на ворохе соломы.

Не за себя так испугалась она. И, когда потом пришла в себя, растерзанная, на соломе, не столько тому содрогнувшись, что с нею произошло, сколько той мысли, что теперь все может открыться. Она принялась уверять Иоганна, что бинты остались от проходившего через хутор госпиталя и теперь она решила постирать их на всякий случай.

— Меня пока не интересовал, где ты брал этот бинт, но завтра может заинтересовать,— великодушно успокоил ее Иоганн.

И перед этим «завтра» еще дальше отступило от нее то, что с ней произошло,— о себе ли теперь было думать?! Сегодня он еще ничего не знает, но завтра захочет узнать. Ей надо удвоить свою осторожность. Вот когда должен будет пригодиться и тот последний бочонок с ладанным вином, который она заложила в сарае дровами.

От ее ладанного вина Иоганн сразу же пришел в восторг, заявив, что оно нисколько не хуже рейнвейна. Но и накачать его с вечера этим вином так, чтобы он не просыпался до утра, теперь уже было не так-то просто. Он стал теперягивать это удовольствие, закусывая каждый стакан вина ломтиком намазанного горчицей шпика, а поэтому и пьянел медленно, окончательно сваливаясь лишь после трех-четырех литров. Однако и после этого, прежде чем идти к лейтенанту, ожидающему ее в яме, Антонине надо было хорошо удостовериться, что денщик уже не проснется. Не пропустив и того предупреденного часа, когда требовалось разбудить его к возвращению майора с его ночного промысла из станицы.

Еще и поэтому ей никак нельзя было задерживаться у лейтенанта чересчур долго.

Продолжение следует.

«СВОЕОБРАЗНЫЙ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ»

**К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
Л. Н. АНДРЕЕВА**

Это одна из характеристик, данных Леониду Андрееву Горьким. Горький первый заметил талант Андреева и с присущей ему широтой, доброжелательством и радушием ввел его в писательскую семью. Когда в пасхальном номере московской газеты «Курьер» в 1898 году появился рассказ Леонида Андреева «Баргамот и Гараска», Горький пришел в восторг. «Черт знает, что такое...— сказал он.— Я довольно знаю писательские штуки, как вогнать в слезу читателя, а сам попался на удочку: нехотя слеза прошибла». По совету Алексея Максимовича Леонид Андреев изменил конец рассказа, придав ему необыкновенную остроту.

Перед читателем встает жестокая картина надругательства над человеком, его постоянного унижения.

Рассказом «Баргамот и Гараска» открылся, по выражению тогдашних критиков, «триумфаторский бег колесницы» Леонида Андреева в литературе.

Уже через три года после «Баргамота» вышла в издательстве «Знание», куда ввел Андреева Горький, первая книжка его рассказов. В книжке было всего 200 страниц, но она имела огромный успех. Сам Леонид Андреев говорил в шутку: «Количество хвалебных статей, вышедших о моих рассказах, значительно превышает размеры самой книжки».

Горький связал его с издательством «Знание», он же ввел его в литературное содружество «Среда», организованное Н. Телешовым и являвшееся в ту пору средоточием прогрессивных сил искусства. Леонид Андреев вошел в писательскую семью — дружелюбную, сильную своими талантами. Остались позади репортерская работа, жалкое, нищенское студенческое существование, малоудачные попытки найти место под

солнцем в качестве адвоката, трудное детство и юность в Орле, в семье скромного землемера-таксатора. Триумфальная колесница понеслась вскачь.

Могло ведь случиться и так, что, не заметив своим зорким оком Горький скромного журналиста из «Курьера», мы никогда не узнали бы писателя Леонида Андреева, давшего такие произведения, как «Жизнь Василия Фивейского», «Жили-были», «Рассказ о семи повешенных», «Христиане», «Губернатор» и много, много других.

Творчество Леонида Андреева возникло и развивалось в то время, когда грозные тучи первой русской революции уже накапливались на горизонте. Своей неспособностью пойти навстречу чаяниям народа самодержавие подписало себе смертный приговор. Росло рабочее движение. Марксизм, влияние которого увеличивалось год от года, уверенно пробивал себе дорогу.

Рассказы Леонида Андреева, появлявшиеся один за другим, наполненные осуждением тяжелой жизни народа России, разрывались, как бомба,— они рождали гнев, ненависть к существовавшему политическому и общественному строю, кричали во весь голос: так дальше жить нельзя, так дальше жить безумно!

В рассказе «Жили-были» ничего, в общем, не происходит: лежат люди в больнице, кто-то умирает, кто-то выздоравливает. Но навсегда запоминаешь, как больной дышит, как тоскует о яблоне «белый налив», которая становится как бы символом жизненной радости. Лев Толстой, которому Леонид Андреев послал свой первый сборник рассказов, ответил молодому автору, что многие из них ему очень понравились, а больше всего «Жили-были».

«Жизнь Василия Фивейского» — трагическая повесть о священнике, бросившем дерзкий вызов богу, произвела на современников большое впечатление. В. Г. Короленко писал о ней: «Тема — одна из важ-

ЦВЕТНЫЕ ЗЕРНА ПОЭЗИИ

Счастливым дар у Виктора Полторацкого — примечать в обыденной жизни яркие, цветные зернышки поэзии. Эта постоянная причастность ко всему вокруг себя (и вокруг людей!), неубывающая жажда общения с живым миром, с колдовскими красками природы — все это наполняет поэзию Виктора Полторацкого самой жизнью, а не ее подобием. Совершается это все органически, без наизиданий, без деклараций. Вот эта-то мера естественности и есть, может быть, одна из самых привлекательных особенностей поэта.

...А еще в глубине ледяной,
Где осклизло темнеет коряга,
Ей мерещится злыдень и скряга
Пустоглазый старик Водяной...

Виктор Полторацкий. Невелик-город. Стихи. «Советский писатель», 1971.

ХУДОЖНИК»

нейших, к каким обращается человеческая мысль в поисках за общим смыслом существования. Исполнение суховато, сурово и полно нервного захвата; читатель как бы попадает в какой-то вихрь, палящий и знойный».

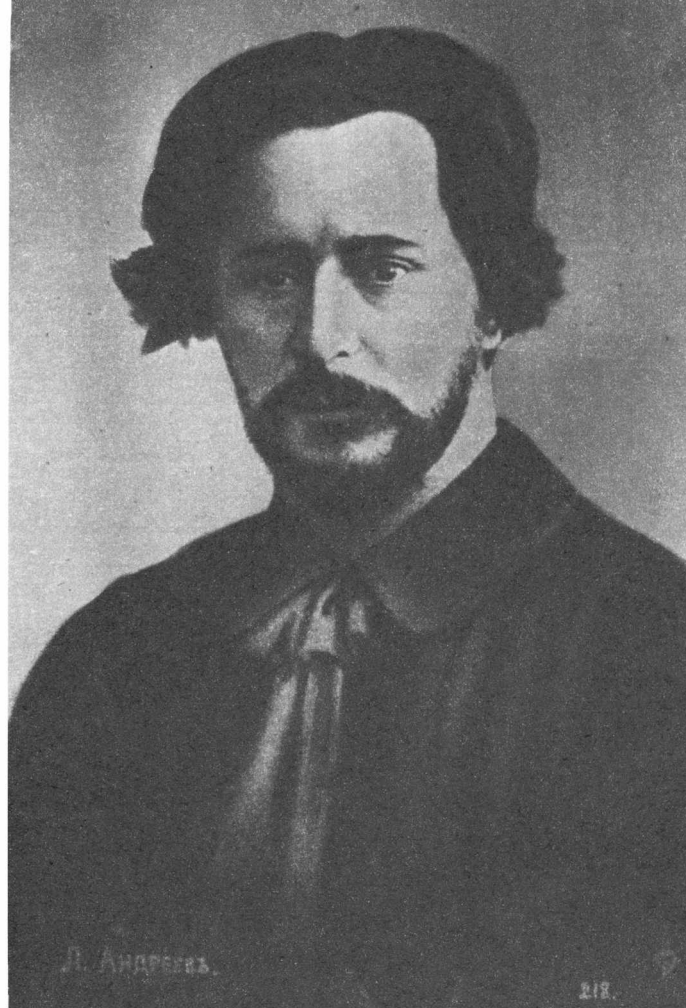
Революцию 1905 года Леонид Андреев встретил с волнением и радостью. По его собственным словам, его захватила «героическая, великолепная борьба за русскую свободу». В. Вересаеву он пишет: «Вы поверите: ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции. Вся жизнь сводится к ней». В феврале 1905 года Леонид Андреев предоставил свою квартиру для заседания членов ЦК РСДРП. Жандармы пронюхали об этом, и вскоре Леонид Андреев вместе с участниками совещания попал в Таганскую тюрьму, где и просидел более двух недель. Выпущен он был после шумных протестов общественности под залог в десять тысяч рублей.

В 1906 году появляется четырехактная пьеса Леонида Андреева «К звездам», о которой А. Луначарский сказал, что в ней автор поднялся «на большую высоту революционного мироощущения». В 1908 году вышел в свет потрясающий по своей силе «Рассказ о семи повешенных», который автор посвятил Льву Толстому. Это был яростный и благородный протест против карательной политики царского правительства, вешавшего и расстреливавшего честных борцов за свободу. Известный народоволец Н. А. Морозов, сам приговоренный в свое время к смертной казни, замененной потом пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, говорил автору: «Я могу только сказать, что все это действительно правдиво, и метко, и глубоко. Конечно, вы удивительно догадались о многом». Но постепенно Леонид Андреев

начинает отходить от революционных тем, уклоняясь в мистицизм, в мрачные индивидуалистические размышления. На взлете революционной волны поднялось буйство его души; в годы реакции, когда начался спад, взяли верх пессимистические настроения, возникло стремление укрыться от действительности в символику, в туманные прорицания, приводившие его к выводу о бессмысленности жизни, о непреоборимости зла, о торжестве смерти над жизнью.

Ссора с Горьким окончательно определила его дальнейший путь. Впрочем, ссора эта была своеобразной: поссорившись и разведя свои творческие пути в разные стороны, они продолжали горячо любить друг друга, наружно не выдавая своих чувств. Когда в 1919 году пришла печальная весть о том, что в Финляндии, на чужбине, скончался Леонид Андреев, Горький глубоко скорбел. По свидетельству Корнея Чуковского, он вошел в комнату, сутулясь сильнее обычного, и глухо сказал, что ему сейчас сообщили о смерти Леонида Андреева. «И, не справившись со слезами, умолк. Потом пошел к выходу, но повернулся и проговорил с удивлением: — Как это ни странно, это был мой единственный друг. Да, единственный».

Когда началась первая мировая война, Леонид Андреев находился во власти шовинистического угара. Прошлое как бы навсегда ушло из его сознания. Прогрела на сценах его пьеса «Анатэма», утверждавшая торжество зла над добром, — Андреев считал ее лучшей из всего, что им было создано, она сейчас забыта. Забыт его роман «Сашка Жегулев» — об одиночке-революционере, ставшем в конце концов разбойником и бессмысленно погибшем. Свою пьесу «Дни нашей жизни» он счи-

тал очень плохой — она и сейчас идет на многих сценах и пользуется постоянным успехом. Путаница в убеждениях и представлениях характерна для последнего периода жизни Леонида Андреева.

Живя на своей несообразно огромной даче в Финляндии, построенной по его собственным чертежам, он превращался постепенно в отшельника, сознательно удалившегося от движения жизни. Октябрьскую революцию он не понял и не принял. Его старший сын Вадим Андреев в своей книжке «Детство», на мой взгляд, точно определил причины этого:

«Не случайно отец не понял значения Октябрьской революции — он был слишком связан с той частью русской интеллигенции начала двадцатого века, которая стремилась к революции, думая, что революция может быть чем-то легким, безболезненным, простым... Вся жизнь отец носил Россию в себе, как верующий носит бога, но когда Россия отырылась ему в Октябре, он не узнал ее в этом облике, и все распалось — хаос с головой захлестнул его».

Но не будем судьями заблуждений своеобразного, крупного писателя, оставившего непогасший след в истории русской литературы. Он умер молодым — ему едва исполнилось 48 лет, кто знает, как дальше сложилась бы его жизнь. Писал же он незадолго до своей смерти своему племяннику Л. Алексеевскому:

«Может быть, так и надо, чтобы старый дом России, затхлый, вонючий, иловый, построенный по ветхозаветному плану, — развалился дотла и тем дал возможность воздвигнуть новое величественное здание, просторное и светлое. Будем строить, то есть строить будете вы, молодежь, а нам уже не придется: стары и слабосильны. Но будем и мы, сколько сможем».

Это честное и благородное стремление писателя было погашено неумолимой смертью. Русский, советский читатель знает, помнит и любит Леонида Андреева, глубоко уважает его за все то яркое, доброе, что принесено в литературу его сильным талантом.

Ник. КРУЖКОВ

Смотрит девочка в темный проем,
Обрамленный осокой и ряской,
И трепещет, пронзенная сказкой,
В одиночестве детском своем.

Или:

Дымок над огородами
Завывно пахнет печевом.
Но все здесь взято, отдано,
И дожидаться нечего.

Лишь над садами голыми
С утра, как именинники,
Станицами веселыми
Шумят дрозды-рябинники.

Я уже однажды писал о поэзии Виктора Полторацкого. Было это несколько лет тому назад. С тех пор я пристально и заинтересованно слежу за его работой. Должен сказать,

что от книги к книге поэт набирает высоту, стихи его приобретают весомость и вместе с тем то волшебное легкое крыло, за которым всегда стоят талант и труд. Расширяется и тематический круг поэта, его интересы. В книге «Невеликий городок», о которой я пишу, представлены также и зарубежные впечатления поэта. В прозе он это делал всегда остро и любопытно. Могу сказать, что и в стихах ему это удалось сделать по-своему. Вот несколько строк из стихотворения «Новый Вавилон»:

Наваждение злое или чудо?
Грохотом и визгом оглушен,
Я гляжу и думаю: откуда
Взялся этот новый Вавилон?

Может, до предела увеличив,
Распахнув рекламы ураган,
Старый Конотоп или Бердичев
Черты унесли за океан?

Развернули ярмарочным торгом,
Заплевали шелухой газет
И, назвав все это Нью-Йорком,
Выдают за некий Новый свет...

Зазывалам на слово не верьте:
Запахом бензиновым дыша,
В небоскребах прячется от смерти
Мелкая уездная душа.

Мне так же, как и вам, приходилось читать много стихов об Америке. Смеем сказать, что лирическая публицистика Виктора Полторацкого отмечена чертами своеобразия и собственным характером. Глаз у него приметливый, взгляд цепкий, слово не расхожее. О чем бы он ни писал, в его стихах всегда есть та самая человеческая открытость, та безобманная доверительность, которая живет только между друзьями. И читателю это дорого. И я всегда жду новых книг поэта.

Сергей ОСТРОВИЙ

СТО ЛЕТ СПУСТЯ

С первыми февральскими лучами солнца в моем доме появился гость. Малыш в лихо заломленной военной шапочке с золотыми галунами, в широченных красных панталонах. Он лукаво подмигнул мне, вынул флейту и бойко сыграл нехитрую песенку парижского гамена. Затем он пригласил меня на вернисаж выставки «Произведений импрессионистов из музеев Франции». Малыш приехал ко мне в большом синем конверте и был напечатан на отличной мелованной бумаге...

Вернисаж. Просторные залы Музея изобразительных искусств залиты холодным, прозрачным светом. Заполнены до отказа радостно возбужденными людьми. Тесно, шумно, душно. Спит жар софитов кино и телевидения. Откровенно говоря, за всей этой праздничной суетою трудно разглядеть виновников торжества — полотна французских импрессионистов. Но, увы, такова природа всех вернисажей.

Мне посчастливилось увидеть экспозицию за день до открытия, на пресс-конференции.

Центральный зал выставки. Небольшая группа людей потерялась в интерьере, и полотна, не прикрытые ничьими спинами, свободно предстали нашим взорам.

Первая встреча... Встреча с давно знакомыми по репродукциям полотнами. Правда, как известно, репродукции частенько бывают неточными.

Тихо. Очень тихо. Мне в какой-то миг показалось, что в лучах неяркого солнца картины, подобно цветам, раскрыли свои бутоны. В какое-то счастливое мгновение мне предстала многоголосая радуга природы. Гармонии, имя которой — жизнь. Казалось, звучание каждого полотна согласно слилось в одну мелодию радости.

Радость! Я ощущал ее всем сердцем, глядя на холсты Эдуарда Мане, Огюста Ренуара, Клода Моне, Эдгара Дега, Альфреда Сислея, Камиллы Писсаро, Берты Моризо.

Невольно вспомнились слова, сказанные сто лет тому назад Арманом Сильвестром, слова, полные веры в прекрасное, победу правды:

«Что должно явно ускорить успех этих пришельцев — это то, что картины их написаны в смеющейся гамме. Свет заливает их полотна, и все в них — радость, ясность, весенний праздник».

«Должно ускорить успех...» К великому сожалению, это оптимистическое заявление не оказалось пророческим. Ведь известно, что слава и все сопровождающие ее блага достались «пришельцам» лишь через четверть века. Тогда многих из них не было уже в живых, а иные встретили славу глубокими стариками, полуслепыми от работы, разбитыми недугами, вызванными лишениями.

Но это история...

В центральном зале на выставке импрессионистов, на самом почетном месте, напротив входа, нас встречает старый знакомый — «Флейтист» Эдуарда Мане.

Очаровательный малыш, старательно выводящий немудреную мелодию. Мало кто вспомнит, что двери Парижского салона 1866 года наглухо захлопнулись перед носом милого мальчугана. Жюри забраковало этот поистине великолепный холст, созданный по канонам реализма. Но оставим это решение на совести ревнителей буржуазного салонного искусства, тем более что парнишка вот уже сто лет все так же неумоимо наигрывает свою песенку, несмотря ни на что...

Слева от «Флейтиста» — портрет Эмиля Золя, написанный в 1868 году Мане. Молодой Золя был страстным поклонником искусства Мане. Правда, пройдет время, и маститый писатель создаст роман, где... Но не будем забегать вперед. Прочтем, что писал Золя в защиту своего друга:

«Так как никто этого не говорит, то я намерен это сказать и сказать так, чтобы все услышали. Я в такой степени уверен, что Мане принадлежит к корифеям будущего, что, имея я состояние, я совершил бы хорошую сделку, купив теперь все его картины. Через пятьдесят лет они будут проданы в пятнадцать и двадцать раз дороже, тогда как кое-какие другие картины, которые теперь ценятся в сорок тысяч франков, не будут стоить и сорока франков. Не нужно обладать особой дальновидностью, чтобы предсказывать подобные события...»

Но более всего мне нравится «Флейтист» — картина, отвергнутая в этом году... Если я выше сказал, что характерными чертами таланта Мане являются простота и точность, то прежде всего потому, что вспомнил о впечатлении, произведенном на меня этой картиной.

Я постарался указать то место, которое принадлежит Мане среди художников. Быть может, будут смеяться над панегиристом, как смеялись над художником. Наступит день, когда мы оба будем отомщены. Есть вечная истина, которая поддерживает мой дух критика, а именно: только темпераменты живут и властвуют над веками. Невозможно, понимаете ли, невозможно, чтобы не настал день, когда Мане будет

торжествовать, когда он раздавит трусливую посредственность, его окружающую.

А ремесленники, люди, укравшие подобие оригинальности у корифеев прошлого, должны дрожать... Это покойники завтрашнего дня; среди них есть такие, которые умерли десять лет тому назад, но которые внезапно оживают и кричат на весь мир, что оскорбляют достоинство искусства, если благодаря случайности какая-нибудь мощная картина попадает в общую яму, именуемую Салоном».

Можно простить Золя некоторую запальчивость, свойственную молодости, ибо, как стало позже известно, зрелый Золя, достигший славы и благополучия, во многом пересмотрел свои привязанности... Но это опять уводит нас от выставки...

Справа от «Флейтиста», на той же центральной стене, картина Фредерика Базиля «Мастерская художника». Этот большой этюд — бесценный документ истории живописи — написан в 1870 году и публикуется у нас в цвете в первые.

Думал ли Базиль, когда писал свой холст, что ему удалось запечатлеть в этюде трех мастеров мирового значения — Эдуарда Мане, Огюста Ренуара, Клода Моне. Едва ли. Хотя сегодня, через сто лет, даже само это сомнение кажется кощунственным, настолько знамениты и хрестоматийно известны имена его друзей.

Но в те далекие дни, когда на долю художников, собравшихся в мастерской Базиля, доставалось больше терний, нежели лавров, в те дни, когда Салон Второй империи проваливал их талантливые полотна, тогда, в атмосфере непризнания, глумления, полупроуспехов, желание Фредерика Базиля увековечить своих товарищей по искусству в картине было более чем достойно. Ведь эти мастера через четыре года окажутся лидерами движения, которое получит название «импрессионизм». А само слово «импрессионизм» войдет в историю как термин, определяющий целую эпоху в развитии живописи, подобно барокко или ампиру.

«Мастерская художника». Адрес — улица Кондамин, квартал Батиньоль, недалеко от кафе Гербуа. По имени квартала, где, кстати, была и мастерская Эдуарда Мане, группу художников — Мане, Ренуара, Моне, Дега, Сислея, Базиля — называли «батиньольцами». Любимым местом их вечерних собраний было кафе Гербуа.

Парижская мансарда. Студия живописца. В большом окне сквозь тонкие переплеты видны крыши города. Ровный, холодный зимний свет озаряет мастерскую. На стенах студии картины в золотых рамах, этюды, эскизы. В углу в беспорядке свалены холсты, подрамники, рамы. На переднем плане — печка с такой знакомой железной трубой, напоминающей нашу «буржуйку» двадцатых годов. Стол, стул, кресло, диван — вот и все нехитрое убранство мансарды.

Перед нами шесть мужчин. Кто они?

Один из них, коренастый и плотный, поднимается по деревянной лестнице на антресоли. Это Эмиль Золя. Он на минуту приостановился и заговорился с сухощавым молодым человеком, сидящим на столе, — Огюст Ренуар. О чем они говорят? О скандальных выступлениях прессы, глумящейся над полотнами «батиньольцев», или о косности жюри Салона? А может быть, они просто вспоминают дивный воскресный день, проведенный на Сене, игру света в зелени, боготно солнечных бликов на речной ряби, очарование юных купальщиц?.. Колдовскую мозаику пленэра.

Ренуар был врагом мудреных сюжетов. Эпикурец, сын простолудии, Огюст любил говорить:

«Сюжеты самые простые — самые вечные».

Будет ли обнаженная женщина выходить из соленой волны или вставать со своей кровати, будет ли она называться Венерой или Нини, — лучшего никто не изобретет».

Все обаяние музыки Ренуара было в том, что, рисуя модисток или служанок, он создавал шедевры, чарующие нас не менее античных богинь.

Золя пристально наблюдал жизнь своих друзей-художников. Он самоотверженно бросался на защиту их творений, пока грандиозная эпопея «Ругон-Маккары» не поглотила его целиком. И вот тут-то и свершилась беда, которую никто не ждал. В 1886 году Золя написал роман «Творчество». Герой романа художник Клод Лантье — неудачник. Автор жестоко обличает новации живописца. Мир искусства сразу нашел прототип Лантье — Эдуарда Мане. Другие увидели в Клоде — Сезанна.

Сезанн, Моне, Писсаро, Ренуар стали избегать Золя.

Вот письмо Клода Моне к автору «Творчества».

«Вы были настолько любезны, что прислали мне «Творчество», — писал Моне. — Я очень обязан вам. Я всегда с большим удовольствием читал ваши книги, а эта была для меня вдвойне интересна потому, что

Эдуард Мане, 1832—1883. ФЛЕЙТИСТ. 1866.

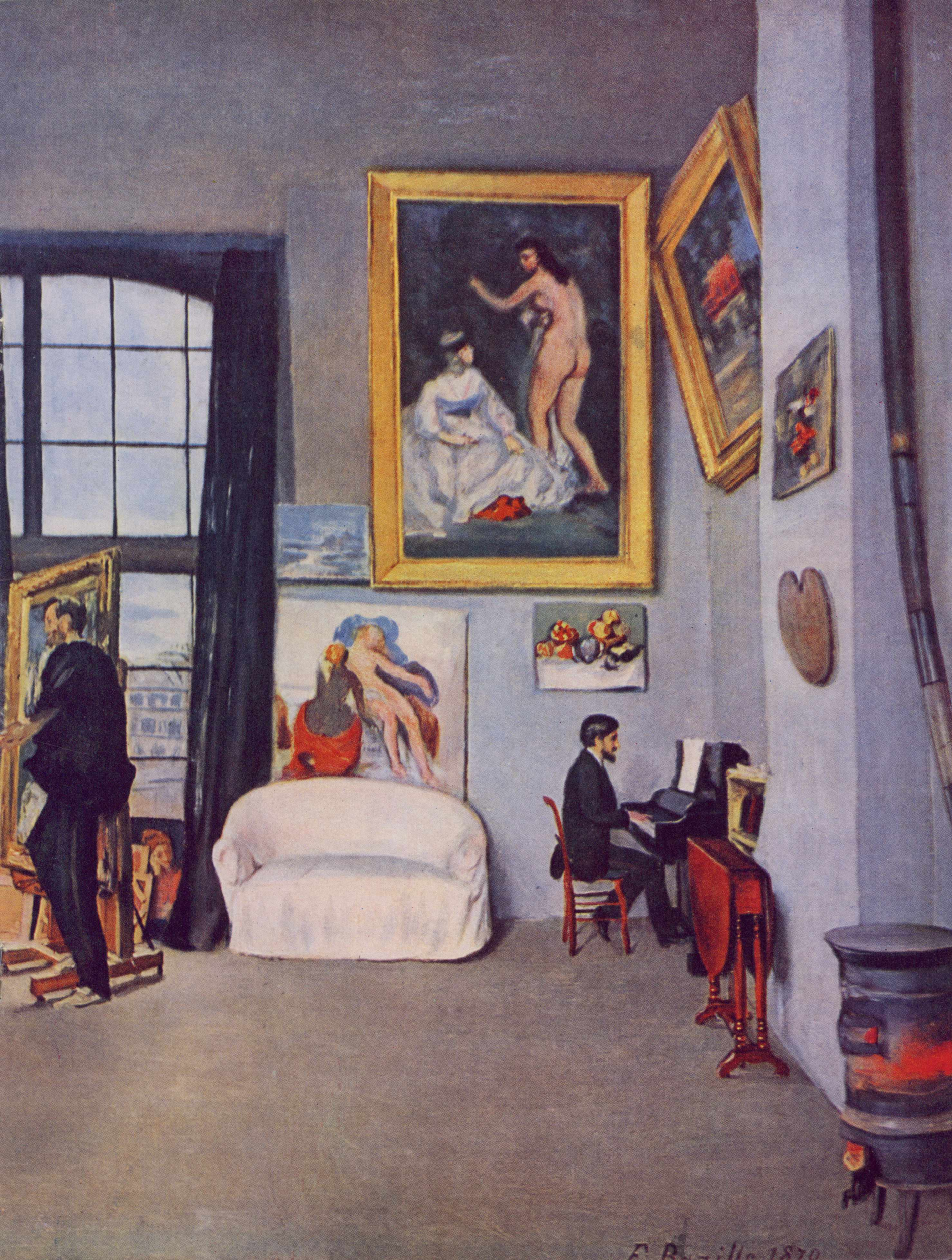
Париж. Музей импрессионизма, Лувр.

Жан Фредерик Базиль. 1841—1870. МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА. 1870.

Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

F. Bissière 1870

Винсент Ван Гог. 1853—1890. РЕСТОРАН «СИРЕНА». Около 1887—1888 (?).

Париж. Музей импрессионизма. Лувр.

поднимает те проблемы искусства, за которые я так долго боролся. Я прочел ее и, должен признаться, расстроен и встревожен. Вы сознательно старались, чтобы ни один из ваших персонажей не походил ни на кого из нас, но, несмотря на это, я боюсь, что пресса и публика, наши враги, могут вспомнить имя Мане или по крайней мере наши имена, чтобы объявить нас неудачниками, что, конечно, не входило в ваши намерения; я отказываюсь верить в это...»

Мане и Моне... Вы видите их на полотне «Мастерская художника» рядом у мольберта, обсуждающих картину в золотой раме.

Мане и Моне... Их связывала вся жизнь верная и нежная дружба. Когда Эдуард Мане умер, Клод Моне и группа друзей с огромным трудом собрали 20 тысяч франков и купили у вдовы живописца «Олимпию».

Цель? Преподнести «Олимпию» государству. Заставить выставить ее в Лувре.

Вот отрывок из письма Клода Моне к министру народного образования Фальеру от 7 февраля 1890 года:

«Господин министр!

Имею честь от имени группы подписавшихся предложить в дар государству «Олимпию» Мане...

Споры, предметом которых являлись картины Мане, враждебные чувства, которые они вызывали, в настоящее время утихли. Но если бы снова была объявлена война против подобной индивидуальности, мы были бы не менее убеждены в значении творчества Мане и в его окончательном торжестве. Нам было бы достаточно вспомнить — цитирую лишь несколько имен, когда-то поносимых и непризнаваемых, а сегодня знаменитых — судьбу художников, подобных Делакруа, Коро, Курбэ, Милле, их изолированность в начале их карьеры и их неоспоримую посмертную славу...

Вот почему нам показалось недопустимым, чтобы подобное творчество не было представлено в наших национальных коллекциях, чтобы мастер не имел входа туда, куда уже допущены ученики. Кроме того, мы с беспокойством наблюдаем непрерывное движение художественного рынка, ту конкуренцию в закупках, которую нам оказывает Америка, уход, который легко предвидеть, на другой континент стольких произведений искусства, являющихся радостью и гордостью Франции...

Господин министр, мы вручаем в Ваши руки «Олимпию». Мы желаем увидеть ее занявшей место в Лувре, среди своей эпохи, среди произведений французской школы...

Мечта друзей свершилась. «Олимпия» сегодня — жемчужина Лувра! Судьба Эдуарда Мане полна горечи и разочарований. Вот короткая записка живописца к известному в то время критику Альберту Вольфу, написанная за год до смерти мастера:

«Благодарю Вас, мой друг, за любезные вещи, которые Вы мне говорите по поводу моей выставки, но я буду рад, наконец, прочесть еще при жизни ту замечательную статью, которую Вы посвящаете мне после моей смерти».

Мане так и не дождался статьи Вольфа. Он умер.

А Вольф жил... Вот один из образцов велееречия этого рутинера по поводу одной из выставок импрессионистов:

«Есть зрители, которые лопаются от смеха при виде всего этого. Что касается меня, то у меня сжимается сердце. Эти, так называемые, художники называют себя непримиримыми, импрессионистами. Они берут полотна, краски, кисти, бросают несколько случайных тонов и все это подписывают. Подобным образом заблудшие души поднимают в Вилль-Эврар камень на дороге, воображая, что нашли бриллианты. Страшное зрелище человеческого тщеславия, заблудившегося до безумия».

Мане и Моне... На картине «Мастерская» они обсуждают работу своего друга Базиля.

Эдуард Мане. Элегантный, в руках длинная кисть. Сзади него чернородый мужчина в черной паре — Клод Моне. В профиль к нам высокий, долговязый — Базиль, автор холста.

Через несколько месяцев по окончании картины «Мастерская художника» была объявлена франко-прусская война. Фредерик Базиль записывается добровольцем в полк зуавов. 28 ноября 1870 года он был убит в сражении при Бон-ла-Роланде...

Кстати, Мане в эту войну служил в национальной гвардии под началом известного художника Мессонье, Ренуар был кирасиром, Дега — артиллеристом.

Самый скромный из персонажей Эдмон Метр. Это большой друг Базиля, музыкант-любитель. Вот и сегодня, пока друзья говорят о высоких материях и спорят, он тихо наигрывает на фортепьяно любимого Шопена.

Гудит печурка, еле слышна мелодия шопеновской мазурки. Сочно и уверенно звучит голос Мане:

«Краткость в искусстве — это и необходимость и элегантность. Человек, кратко выражающийся, заставляет думать; человек многословный надоедает. Старайтесь всегда совершенствоваться в направлении все большей краткости... Передавая лицо, ищите большие световые и теневые плоскости... все остальные естественным образом доведутся, и зачастую добавлять придется очень мало. И затем, развивайте свою память. Ибо природа никогда вам не даст ничего, кроме справки. Она словно перила, препятствующие вам впасть в банальность. Нужно оставаться господином и делать то, что нравится. Не надо заданных уроков, нет, не надо уроков!»

Взгляните на репродукцию «Флейтиста», до чего ярко выражает этот небольшой холст основное кредо Мане — краткость, предельный отбор, элегантная простота и классическая точность рисунка и цвета.

Обобщение и краткость...

— Помилуйте! — воскликнет читатель. — А где вы видите в этом холсте приметы новаторства? Это превосходное полотно, под которым мог бы подписаться Гойя или любой другой классик...

Мысль эта закономерна. Ведь Мане, сколько ни глумились над ним современники, в своем искусстве опирался на школу великих реали-

стов — Веласкеза, Гойи, Рубенса... И сегодня кажется бесконечно странным весь пафос преследования Мане.

Может быть, после прочтения строк Теодора Дюре нам станет яснее любовь буржуазного зрителя парижского Салона XIX века к посредственности:

«Ах, как это плохо нарисовано!» — в течение тридцати лет это говорили о Делакруа.

«Но это совсем не закончено! Это только наброски!» — вчера еще это был постоянный припев по поводу Коро.

«Ах, мой бог, как эти люди уродливы, какие ужасные типы!» — это, в сущности, резюме мнений буржуа о Милле и т. д.

И так будет продолжаться с господином Мане до тех пор, пока публика, свыкнувшись с тем соединением достоинств... не примирится с ним и не начнет высмеивать какого-нибудь вновь появившегося художника».

Но вернемся в последний раз к «Мастерской художника».

Глядя на respectable молодых людей, в строгих черных парах, в белоснежном белье, беседующих об искусстве, читатель вправе задать вопрос: где же видны та нищета и лишения, которые преследовали многих представителей нового движения художников?

Вот строки из писем Клода Моне:

«Я полагал, что, быть может, вы будете настолько добры и придете мне на помощь, так как положение у меня отчаянное и, что самое худшее, я даже не могу работать. Не стоит говорить вам, что я готов сделать все, что угодно, и за какую угодно цену, лишь бы выкарабкаться из этого положения и иметь возможность сейчас начать картину для следующего Салона, чтобы опять со мной не повторилось подобной истории».

Однако некий Уссей, к которому адресовано письмо, видимо, не купил у него картины.

Вскоре после этого Моне попросил Базиля прислать ему краски, чтобы он по крайней мере мог продолжать работать.

Но в августе он уже заболел не о красках. «Ренуар приносит нам из дому хлеб, чтобы мы не умерли с голоду», писал он Базилю. — Неделя без хлеба, без огня в очаге, без света — это ужасно».

Но непризнание, нужда не останавливали мастеров. Мане, Ренуар, Моне, Сислей, Базиль, Писсаро, не вникая хуле и поношениям, изо дня в день упорно работали. Огромный, непрерывный труд, изучение классиков и, главное, работа на натуре — непосредственно на открытом воздухе — дали возможность за сравнительно короткий исторический срок открыть новую красоту. Пробить путь к солнцу.

Мане и его друзья как бы сдернули коричневую вуаль, покрывающую салонную живопись. Они создали свою «смеющуюся гамму», их живопись решила сложнейшую проблему пленэра.

...Наконец, на бульваре Капуцинок 15 апреля 1874 года была открыта первая выставка, которая дала начало и название новому движению. Сегодня, когда картины Ренуара, Моне, Сислея, Писсаро, Дега пользуются любовью миллионов людей, жутковато читать отчет о первой выставке молодых художников, написанный бойким пером некоего Луи Леруа из газеты «Шаривари» за 25 апреля 1874 года.

«О, это в самом деле был напряженный день», — писал критик, — когда я рискнул отправиться на первую выставку на бульваре Капуцинок в обществе господина Жозефа Винсента, художника-пейзажиста, ученика Бертена (академика), получившего медали и награды при нескольких правительствах! Неосторожный художник отправился туда, не подозревая ничего плохого, он полагал, что увидит там картины, какие можно увидеть везде, хорошие и скверные, больше скверных, чем хороших, но не чуждые некой художественной манере, культуре формы и уважению к старым мастерам.

Увы, форма! Увы, старые мастера! Мы больше не хотим их знать, мой бедный друг! Мы все изменили!

Войдя в первую комнату, Жозеф Винсент получил первый удар перед «Балериной» господина Ренуара. «Как жаль», — сказал он мне, — что художник, обладающий известным пониманием цвета, не умеет рисовать, ноги его балерины похожи на ее газовые юбки».

Нет нужды цитировать всю статью, наполненную дешевыми остроумиями и глупостями. Но вот строки, которые оставили в истории искусства гроша не стоящее имя борзописца Леруа.

«...Что изображает эта картина? Взгляните в каталог.

— «Впечатление. Восход солнца». (Картина Клода Моне. — И. Д.)

— Впечатление — так я и думал. Я только что говорил сам себе, что раз я нахожусь под впечатлением, то должно же в ней быть заложено какое-то впечатление... а что за свобода, что за мягкость исполнения! Обоим в первоначальной стадии обработки более законченны, чем этот морской пейзаж...»

Итак — виват, мсье Леруа! Весь Париж только и говорил тогда о вашем «открытии». «Импрессионисты» (импрессион — впечатление)... Это слово начало свою бессмертную жизнь с легкой руки прохиндея...

Прошло сто лет... Канули в Лету Леруа, Вольфы... лисы и шакалы буржуазной прессы и критики, и год от году все ярче и ярче светит нам огонь новой красоты, открытой людям мастерами, названными, как когда-то казалось, бранным словом «импрессионисты», — Эдуардом Мане, Огюстом Ренуаром, Клодом Моне, Альфредом Сислеем, Эдгаром Дега...

В своих поэтических полотнах они оставили на века обаятельный образ природы и людей Франции своего времени. Их живопись трепетна, солнечна и правдива. Гуманизм их искусства противостоит бесчеловечному формотворчеству модернистов. Девизом импрессионистов была радость жизни. Поэтому они были так ненавистны и так любимы...

Невзирая на капризы февральской и мартовской погоды, не иссякала очередь людей, стремившихся на встречу с французскими импрессионистами. На встречу с прекрасным.

Весенний ветер колышет флаги Франции и Советского Союза у строгой колоннады Музея изобразительных искусств в Москве.

«Молодая гвардия».

«Подкидыш».

«Странная миссис Сэвидж».

Вл. ПИМЕНОВ

Бывают актерские имена, самое звучание которых уже доставляет человеку радость. Назовешь такое имя, и настроение делается хорошее, — хочется улыбнуться, вспомнить что-то доброе... К таким, безусловно, принадлежит имя Фаины Григорьевны Раневской, актрисы поистине народной. Здесь самое звание народной артистки Советского Союза и сущность звания — необыкновенная популярность — совпали полностью. Раневскую знают не одни лишь театралы и вообще не одни московские зрители. Ее знает улица, ее знают все люди: и взрослые и дети. Она принадлежит не себе и даже не театру, где играет. Искусство Раневской — достояние целой страны... Так и должно быть, если художник живет, неся в себе заботы и планы людей, живет не только в мире личных своих пристрастий...

О том, как вчера играла Раневская, рассказывают друг другу незнакомые люди в метро и троллейбусах. Так бывает еще лишь в тех случаях, когда всех знакомит спорт: большой футбол, большой хоккей... Право же, искусство и спорт — огромные силы, роднящие массы... Нет, нет! Мы, конечно, не сравниваем Фаину Раневскую со Львом Яшиным; разные задачи стоят перед этими мастерами. Но в чем-то мы видим общее: в популярности, во всенародной известности.

Актриса Раневская владеет двумя высшими тайнами актерского мастерства. Она заставляет вас плакать. Она заставляет вас смеяться. Она умеет быть трогательной и страстной, нежной и злой, отвратительной и прекрасной...

Трудно назвать манеру ее исполнения. Вероятно, наиболее точным здесь будет слово «гротеск», тот самый гротеск, которым в совершенстве владел в своих актерских созданиях Вахтангов, которым поражали Москвин и Тарханов, которым завоевал сердца зрителей Ильинский, тайнами которого обладают Мартинсон и Гарин, Гриценко и Райкин... Сочетание трагического и комического, резкое преувеличение добра и зла, умение сдвигать естественные пропорции бытия, чтобы сделать яснее его внутренний смысл, — вот как понимает актриса гротеск, по существу, ни на шаг не отступая от реализма.

Среди ролей Раневской почти нет ролей похожих. Но все они отмечены единым знаком. Актриса ненавидит мещанство и стяжательство. Она любит людей честных, почему-либо несчастных, исковерканных жизнью. Над одними она во весь голос хохочет, над другими всегда готова пролить слезу... Две роли стоят как бы на крайних полюсах творчества Раневской — спекулянтка в «Шторме», возобновленном в начале пятидесятих годов в Театре имени Моссовета, и старая, оставленная детьми мать в пьесе «Дальше — тишина» на сцене того же театра.

Спектакль «Шторм» в постановке пятидесятих годов не имел того громкого успеха, какой имеет сейчас новый «Шторм», идущий в этом же театре, заново осуществленный Ю. А. Завадским. Не запомнились тогда главные роли, не остались в памяти их исполнители. Одна лишь Раневская запомнилась в эпизодической роли спекулянтки, которая приходит к председателю укома, чтобы выплакать себе

какие-то льготы... Роль эта побочная, ничего не решающая, но она словно приподняла весь спектакль. В исполнении Раневской мелькнула такая искра, что стало ясно, зачем люди ходят в театр... Вот она, закутанная в десятки грязных одежонок, одна страшнее другой, в огромных валяных сапогах, в платках, намотанных до бровей, — грозное олицетворение сытой нищеты, паука, оставшегося пауком... Рваные тряпки лишь маскируют обывательское благополучие. Наряди спекулянтку Раневской хоть в золото, так же нагло и жалко будет торчать жадное мурло мещанина... На красные, распухшие руки натянуты митенки — длинные, ажурные «аристократические» перчатки без пальцев, создававшие вместе с валенками фантазмагорическую картину: полная возникала путаница всех веков, понятий, климатов. Зато видно: мещане всегда и везде цепляются за вещи, за быт, за внешность; им жалко расстаться даже с самой глупой мелочью... И еще об одном говорили длинные перчатки, напаянные толстой торговкой: она из «бывших»! А что в самом деле, может быть, действительно, это какая-нибудь княгиня, забыв об аристократической родословной и помня лишь об «аристократической» жадности, пустилась за добычей во все тяжкие... Огромная нелепая фигура спекулянтки становилась здесь не случайной: ее не смоят так просто шумные волны «Шторма»; она, спекулянтка Раневской, держится еще крепко, она грозит, надвигается на председателя укома... И постепенно эпизод вырастает в обобщение, в уродливую гримасу страшного лика царской России,

лика мещанского, охотничьего...

...И вот снова на сцене Раневская. Идет нехитрая буржуазная мелодрама «Дальше — тишина». Спектакль дает, однако, представление о нравственных джунглях современного капиталистического мира. Раневская здесь играет роль матери большого семейства — некогда богатой, а потому почитаемой детьми, но теперь разорившейся и потому отправленной в богадельню... В зале плачут... Плачут, не стесняясь, когда героиня Раневской в черном платье — глубоко траур по своей судьбе и надеждам — уходит от живых взрослых детей в одиночество, жалкую, одинокую жизнь в доме для престарелых, бедняков, забытых людьми и богом... Это отверженные, сломленные миром наживы судьбы... Те, кто видел спектакль, не забудут глаз Раневской — печальных, бесконечно удивленных. Неужели это ей довелось произвести на свет убийцу отца и матери, убийцу всего доброго и святого?.. Но постепенно и

РА

удивление гаснет в этих глазах: такова жизнь; не одни ее дети таковы, быть может, и действительно главное — деньги... Вы потом выйдете на сверкающую площадь Маяковского, увидите торопящихся куда-то людей, веселых, ясных, снова с огромным душевным облегчением поймете, что деньги не главное! И внутренне снова скажете спасибо актрисе. Она всколыхнула вашу душу, заставила задуматься о нормах жизни, заставила заново ощутить счастье, ставшее привычным, как воздух, счастье жить в стране, где цена человека — это вовсе не цена его капитала...

В истории театра хранится память о том, как Раневская на сцене Театра Красной Армии играла «Вассу Железнову» в горьковской пьесе. Мы потому говорим об этой давней роли, что именно в ней возник тот труднейший сплав, который и называется гротеском, когда комедийное окрашено трагедией, когда сатира смягчена печалью... Горьковский образ получил у Раневской своеобразие, самобытное решение. Васса—Раневская не была сильным человеком, как играют обычно, не была исполненным Булычковым, заблудившимся в жизни, пытающимся найти верную дорогу... Васса Раневской уже растеряла свои силы. Не может оставаться крепким человек, обремененный столькими преступлениями, столькими преступными мыслями... Актриса и обличала Вассу, и смеялась над Вассой, и... жалела ее. Жалела, что такая яркая индивидуальность постепенно превращалась под игм капитала в покорную рабу, что гасли человеческие желания, а на их месте появлялись звериные инстинкты.

Естественный интерес проявляет актриса к Достоевскому — писателю, очень чувствующему этот «внутренний шов» на сердце: шов между комическим и трагическим, между ощущением себя личностью и ощущением себя ничтожеством. Раневская, играя в «Дядюшкином сне», в «Игроке» — инсценировках Достоевского, — стремилась передать и его неповторимый грозный смех над человеком, потерявшим человеческое, и горькую его слезу...

...Раневская и кинематограф — еще одна огромная, прекрасная страница нашего искусства. С той минуты, как в фильме «Подкидыш» она сыграла рыкающую, аки лев, обывательницу, жену тихого, запуганного мужа, с той минуты, когда актриса в этой роли произнесла одну лишь коротенькую реплику: «Муля, за мной!» — зрительские симпатии навсегда отданы Раневской, умеющей так выразительно смеяться над мещанством.

«Мечта» — фильм, где сверкает созвездие исключительных талан-

тов. Среди них и Раневская... Она снова сразу играла и зло и задушевно, обличая жадность, горюя о человеке, потерявшем мечту...

Недавно на экранах телевизора шел концерт, его обаятельно, с тонким личным отношением вел Юрий Яковлев; казалось, он отгадывает все ваши желания, самые сокровенные. Одной из таких отгадок и была сцена, где Раневская играет роль современной гадалки... Глупая дамочка, желающая вернуть любовь мужа, ответственного работника, приходит к гадалке, и та начинает сеанс. Раневская и смеется над дурачком-посетительницей, и гордится сама собой, такой мудрой и изобретательной, и презирает жалкую мещаночку, и подсчитывает, сколько перепадет ей от этой гусыни, и священнодействует, и иронизирует... Она умна, эта гадалка, — гадание ее точное, она гадает наверняка, без проигрыша! Там, где глупость, жадность, обывательское невежество, — там никогда не врут ее карты: там будет и казенный дом, и денежный интерес, и слезы, и дальние проводы.

Когда играет Раневская, кажется, что и не было у нее до этого многих дней и месяцев труда, — так все легко, так все естественно. Но вот что хочется рассказать. Однажды под Ленинградом я встретил на отдыхе Фаину Григорьевну. Лето было неуютное, суровое, с моря дул ветер, все старались поскорее уйти куда-нибудь с опустевшего пляжа. И вдруг показалась чья-то озабоченная, донельзя сосредоточенная, медленно бредущая фигура... Это была немолодая женщина, в длинном, тогда немодном пальто; было видно, что вокруг ничто ее не занимает. Губы ее двигались, она что-то шептала... Я подошел: незнакомка оказалась Фаиной Григорьевной Раневской.

— Что вы здесь делаете, о чем говорите сами с собой?

— Ничего не случилось, — улыбаясь, ответила актриса. — Просто работаю над ролью. Дрожу одна на ветру и работаю... Сейчас мне хорошо: никто не отвлекает.

— А какая роль? Скоро ли вам ее играть?

— Нет, мне еще и не играть ее вовсе. Обдумываю, проверяю свои мечты. Готовлюсь, быть может, к несбыточному...

Когда я теперь вижу на сцене любимицу публики, вечно молодую Раневскую, я думаю о той немолодой, утомленной труженице, которая разучивала роль на холодном пляже, вдалеке от людей.

Чего же пожелать семидесятилетнему юбиляру Фаине Григорьевне? Здоровья? Ей будут желать его все! Успехов? Зачем же желать — они есть.

Оставайтесь всегда подлинно народной артисткой, дорогая Фаина Григорьевна!

«Шторм».

Фото В. Петрусовой.

НЕВСКАЯ

Встретились друзья детства — Ш. Мехтиев, К. Султанов, М. Ибрагимов, А. Сулейманов, М. Мустафаев.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ САБУ

Из семейного архива М. Ибрагимова. Среди этой группы студентов Балаханского рабочего техникума — будущий академик Ш. Мехтиев и известный писатель М. Ибрагимов.

«Его родители были неграмотными» — так озаглавлена полоса немецкой газеты «Фрайе Пресс», рассказывающая о К. М. Султанове.

Фото Германа МАКАРОВА.

Присмотритесь к фотографии, где изображена газета «Фрайе Пресс». Почти через всю газетную страницу тянется заголовок: «...Его родители были неграмотными». Рядом другой снимок, очень давний и вроде бы не имеющий отношения к первому, — студенты II курса Балаханского рабочего техникума. Какова связь между фотографией и кто он, человек, которому газета, выходящая в ГДР, уделила такое большое внимание? Вот он, тот человек. Вы видите его на верхнем снимке — он среди друзей. Кадыр Султанов, палеобиогеохимик, ученый, известный не только в родном ему Азербайджане, но и во всей нашей стране. А коллек-

НЧЕЙ

тивный портрет воспитанников техникума в Балаханах помещен потому, что именно здесь начинали свой путь в большую жизнь профессор К. М. Султанов и его друзья, люди ныне тоже небезызвестные. О них и пойдет речь.

Начнем издалека. Более полувека тому назад на одной из улиц Сабунчей, рабочего пригорода Баку, крепко дружила ватага босоногих мальчишек. Существуют такие дворовые братства — со своими обычаями, законами, детскими, своеобразными представлениями о справедливости. Хорошее то было братство. Иначе не вспоминали бы сейчас о нем с такой нежностью немолодые уже люди, не пронесли бы этой большой дружбы через всю жизнь. И в погожий апрельский день, в канун 51-й годовщины рождения Советского Азербайджана, кто-то из друзей предложил: а не стоит ли нам ежегодно, весной, в конце апреля, встречаться всем вместе, чтоб побеседовать и о былом и о нынешнем? Осталь-

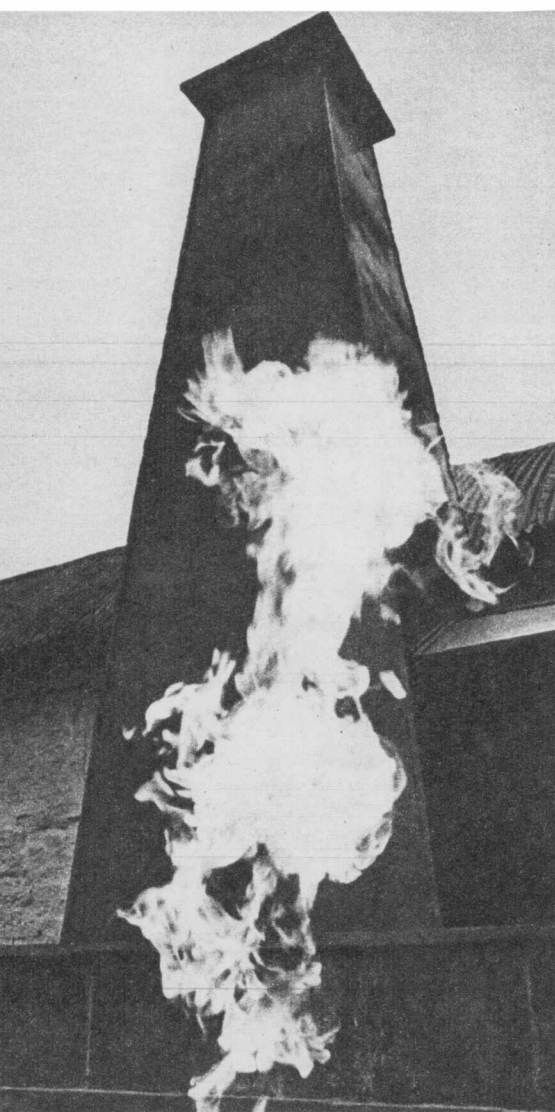
Идут по нынешнему Баку мальчишки и девчонки.

В добычу миллиардной тонны нефти вложили свой труд ударники коммунистического труда А. Худиев, М. Муслимов и М. Мамедов.

Пылает факел на месте первой в мире буровой.

ные поддержали добрую мысль. И вот уже родилась традиция: 28 апреля будут собираться за праздничным столом бывшие сабунчинские мальчишки. Собрались и в этом году, и, конечно, прежде всего речь пошла о далеком детстве. Трудное оно было: дворовое братство возникло еще до того, как в Азербайджане установилась Советская власть, и друзья-мальчишки были босоногими в буквальном смысле слова — росли в беднейших семьях. Что стало бы с друзьями, если бы в Азербайджан не пришла Советская власть? Может, и они, как их родители, остались бы неграмотными. Но власть победившего народа, накормив и обогрев ребят, призвала их к учению. Все пятеро прошли через Бакинский нефтяной техникум имени Ф. Лассалья. А потом их жизненные пути разошлись. Но каждый из друзей так или иначе и по сей день продолжает верно служить общему делу — нефтяной промышленности.

Однако стоп! Пора уже представить читателям всех пятерых и коротко рассказать о каждом в отдельности. Но с кого же начать? Пожалуй, с человека, с которым вы уже немного знакомы. Итак, КАДЫР СУЛТАНОВ — доктор наук, профессор, проректор Азербайджанского государственного университета.

Тринадцать вечно голодных ребят росли в семье Султановых. Один из них — Кадыр — еще в техникуме увлекся палеонтологией. Затем, в годы учения на биофаке Азербайджанского университета, увлечение это окрепло. Он стал палеонтологом, так сказать, «с нефтяным уклоном», одним из пионеров нового направления в науке. Профессор Султанов пользуется большим авторитетом и у своих зарубежных коллег.

Имя второго сабунчинского мальчишки не менее известно, но уже в кругах литературных.

МИРЗА ИБРАГИМОВ — народный писатель Азербайджана, академик АН Азербайджанской ССР, первый секретарь правления Союза писателей республики, лауреат Государственной премии.

Большую и трудную жизненную школу прошел мальчик из селения Эве. В 1918 году родители его, горимые нуждой, переехали в Баку, и тут Мирза осиротел. Рос у дяди, в рабочей казарме на шестом промисле Сабунчей. В 1931 году, окончив нефтяной техникум,

Мирза решил посвятить себя литературе, писал рассказы, очерки. В 1935 году его пьеса «Хаят» получила премию на республиканском конкурсе. Романы, драмы, комедии Ибрагимова широко известны советскому и зарубежному читателю, он много пишет о своих старых друзьях-нефтяниках. И в шутку жалуется на приятелей:

— Вот ведь Шафаят — нехороший человек: отбивает хлеб насущный у друзей детства и юности...

ШАФАЯТ МЕХТИЕВ — академик, крупный советский ученый.

Он действительно увлекается литературным трудом: написал пьесу о великом азербайджанском просветителе Мирзе Фатали Ахундове. Рассказы его появляются в бакинском еженедельнике «Литература и искусство», в сатирическом журнале «Кирпи». Но основное его занятие — геохимия, именно в этой области академик Мехтиев завоевал международную известность.

Шутя, конечно, обижается Мирза Ибрагимов на старого друга. А как же было не увлечься тому литературным трудом? Жизнь Мехтиева складывалась так, что дала ему богатый материал для беллетристической деятельности. Совсем маленьким лишился Шафаят отца. На руках у матери осталось семеро детей. Шафаят, когда подрос, стал слесарем, потом учился, потом был на комсомольской работе. Одно время редактировал азербайджанскую газету «Молодой рабочий». В Великую Отечественную войну капитан Мехтиев служил в разведке. После войны занялся любимой наукой и в 1950 году защитил докторскую диссертацию. А через семнадцать лет после того, как отгремели залпы победы, академик Ш. Мехтиев в составе делегации советских геохимиков посетил Соединенные Штаты. Маститые американские нефтяники с большим интересом слушали тогда лекции сабунчинского «мальчишки»...

— Не знаю, — улыбаясь академик, — почему дорогой Мирза упрекнул меня, что хлеб у него отбиваю. Ведь его тезка — Мирза Мустафаев — тоже грешит по части литературы, вернее, истории. Это он пишет сейчас историю нефтяной промышленности нашей республики...

МИРЗА МУСТАФАЕВ — Герой Социалистического Труда, начальник нефтепромыслового управления имени 26 бакинских комиссаров.

Давно он задумал написать этот труд. Мирза Мустафаевич нашел материалы, подтвердившие, что именно на территории его нефтепромыслового управления пробурили первую нефтяную скважину не только в России, но и в мире. Произошло это 125 лет тому назад. Этот факт подтверждают архивные документы.

История пишется вечерами, а днем у кандидата геолого-минералогических наук много других дел. Его нефтепромысловое управление — хозяйство большое, сложное. Много времени отнимают и технические усовершенствования на промыслах: Мирза Мустафаевич — автор двадцати рационализаторских предложений, восьми книг и брошюр. Именно в его управлении началось внедрение средств автоматизации нефтяной промышленности, одним из создателей которой был сам Мирза Мустафаевич.

Жизнь всех пятерых друзей связана с богатством и гордостью Азербайджана — нефтяной промышленностью. И все-таки, пожалуй, самую тесную, нерасторжимую связь с нею хранят Мирза Мустафаев и АЛЕКПЕР СУЛЕЙМАНОВ — председатель объединения «Азнефть», доктор технических наук, профессор, лауреат Государственных премий.

По всей рабочей лестнице — со ступеньки на ступеньку — прошагал А. Б. Сулейманов. Был оператором по добыче нефти, потом старшим оператором, помощником мастера, мастером, заведующим промыслом. В двадцать шесть лет стал управляющим трестом «Кергезнефть». А вскоре сам предложил упразднить свой трест, сочтя его ненужным звеном. И вернулся на промысел. Друзья рассказывают: чтобы в совершенстве овладеть русским языком, Алекпер в юности на долгих ночных дежурствах читал вслух стихи русских поэтов... Таков он, нынешний руководитель «Азнефти»!

Ну, вот мы и рассказали обо всех пятерых друзьях. Рассказали с тайной надеждой: ведь сабунчинских мальчишек было не пятеро, а много-много больше. Прочитав эти строки, они, наверное, откликнутся на призыв давних приятелей и поддержат их добрую традицию: все вместе за праздничным столом и поведут беседу обо всем том, что сделала Страна Советов для своих сынов.

А. БУТЛИЦКИЙ

РОДНОЕ РАЗДОЛЬЕ

СЕРДЦЕ РОССИИ

Рабочий класс!
Единоверцы,
ведем мы бой за новый день.
Москва,
Москва —
России сердце,
надежда сел и деревень.
Гремят заводы, сталь катая,
в цехах горячая страда...
Дыханье по Москве сверяя,
шагают в завтра города.
Отсюда

с яростью особой,
с особой нежностью людской,
надев брезентовую робу,
ведет Россия мирный бой.
Под песню ладятся моторы
машинам мудрым и простым.
Моя Москва шагает споро
по маршам лестничным крутым
все ближе к солнцу...

Выше,
выше!
Да, нелегко за ней поспеть!
На оцинкованные крыши
заря расплескивает медь.
Ложится отсвет на березки.
Пруды и речки все синей...
У сердца ритм, конечно, жесткий,
но телу дышится вольней!

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

Казак астраханский, я степью
пропах,
бунтарский мой крепок замес!..
Справа — калмык,
слева — казах,
за морем,
прямо —
черкес.

Братья по духу,
с посадкой лихой,
если к нам сунется враг,
шашку — из ножен,
и тыквой сухой
вражеский череп в овраг!
Ястребом солнце...

По-лисьи юля,
вечер ушел за холмы...
Жаром и нежностью дышит
земля,

зов ее слушаем мы!
Ржут табуны за излучкой реки,
хрупают овцы джантак...
Возле костра побратимы-дружки:
черкес,

и калмык,
и казак.
Вышел из юрты с дутаром казах,
строен и крепок в кости...
Пляшут слова на поющих губах:
«Братству вовеки цвести!..
Если ж безумие чиркнет косой:
в степь нашу вломится враг,—
шашку — из ножен,
и тыквой сухой

вражеский череп в овраг!
Песня что клятва,
не бросишь нигде!

Чувства в груди не сгорят...
Если мой чуб упадет в лебеду,
други врагу отомстят...
Слева ударит проворный черкес,
справа — казах и калмык.
Вечен в сердцах наших

дружбы замес,
дух наш свободный велик!
Полночь прекрасна, как юная

кыз¹,
степь нашим клятвам верна...
Пенится в чашах заздравный

кумыс,
радостно светит луна!

МАГНИТКА

Дымы, дымы,
то желтый,
то багровый.

Кирпичных труб могучие стволы...
Реки Урала синие подковы
поблескивают сталью,

тяжелы.
Дредноутами доменные печи
клокочут от бессонного огня,
приказа ждут, чтоб двинуться

навстречу
великим былям завтрашнего дня.
Где клевера в цвету

и табунами
кружатся песни дедовской Руси,
и пляшет конь, играя стремениами,
и белый город солнечно красив,
и в облаках —

из бронзы и титана —
тот человек,

что в мастерской огня
для жизни стержень выковал...
Курганы,

качая степь, несутся на меня.
Былые сны,
кровавой были росы

обрызгали метелки ковыля...
Где друг?

Где враг?
Верблюдом горбоносым
ревут века,

по большаку пыля...
Дымы, дымы!..

Поскрипывают краны,
неся металла полные ковши...
Сады

мехами русского баяна
озванивают вечер от души.
Чеканен ритм

напева о прогрессе.

И чем не флаг —
индустриальный дым?

Рабочий класс проходит,
горд и весел,
по улицам широким и прямым.

КРАЙ ЗЕМЛИ

Гляжу вперед из-под руки:
оазисы прекрасные...
Направо — черные пески,
налево глянешь — красные.
Такыров темное тавро.
Барханов желтых скулы.
Верблюд кривит губастый рот
из рожи саксаула.
Он — мудрый житель этих мест —
скупой улыбкой тратится:
беда, оставив свой насест,
все дальше к морю пятится.
Живой водой канал сковал
песчаным бурям ноги...
Летит, грохочет самосвал
на север

без дороги.
Там пляшут перья тополей,
там шифер выгнул крыши...
Дыханье жизни все слышней,
дыханье смерти тише...

ПОЮТ ГОЛОСА...

Плывут облака-каравеллы,
все ближе к земле небеса.
О женщине юной и смелой
поют в тальнике голоса.
Раздольно поют, но негромко:
«...На ручке —
червонный браслет...»

И я раздвигаю потемки
грядущих и прожитых лет.
Мне ветками машут рябины,
и волчий доносится вой...
По улице тропкой холстинной
девчонка идет за водой.
Пылает горячий румянец
на нежной упругой щеке...
Танцует затаенный танец,
играет ведро в руке.
Влюбленные тонкие звоны!
В подковах бровей —
бирюза...

Застыли
и пеший
и конный,
взглянув ненароком в глаза,
в которых —
о таинство взглядов! —
отважный сумеет прочесть
и робость,

и смех,
и награду
за верность,
за нежность
и честь!

Плывут облака-каравеллы,
роняя снега-паруса...
О женщине юной и смелой
поют в тальнике голоса.

¹ Кыз — девушка (казахское).

К 50 летию
со дня рождения
Сергея
Орлова

ПОРОХОМ

ПРОПАХНУВШИЕ СТРОКИ

...Холодно и тесно было в тяжелом танке старшего лейтенанта Сергея Орлова, когда зимой сорок четвертого года его взвод еще с ночи сосредоточился для танковой атаки. В смотровую щель виднелись заснеженные поля да безвестная деревушка Гора, которую должны были взять танкисты. По сигнальной ракете, взревая дизельными моторами, машины тронулись вперед. Позади в глубоком снегу змеились колес с рубчиками от траков. Эти колес и спасли старшего лейтенанта от верной смерти. После прямого попадания вражеского снаряда головная машина загорелась. Танкисты задышали в дыму и жарком пламени, на них начали тлеть комбинезоны, вот-вот могли взорваться снаряды. Среди других членов экипажа в стальной коробке заживо сгорал и Сергей Орлов. Но товарищи пришли на помощь, вытащили его из танка, по снежным колеям они проволокли его в надежное укрытие. А в редакции армейской газеты осталась тетрадь его стихов о войне и родном Белозерске, о школе и смерти товарищей, о доме и узкой смотровой щели: «...щель узка, края черны, летят в нее песок и глина, но в эту щель от Мги видны предместья Вены и Берлина». Эти стихи и многие другие, написанные позже, теперь по праву входят в антологию современной советской поэзии, в них была непримиримая, живая, конкретная правда о войне и было чувство времени.

Нестерпимая физическая боль, которая мучила поэта день и ночь, нравственные страдания, которые он испытывал, — все, вместе взятое, рождало не вопль отчаяния, а твердую уверенность, что все лишения, потери, жертвы не пропадут даром. И они не пропали даром, они принесли победу:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Только мужественное сердце могло решиться на такие стихи, только поэт-гражданин, наделенный «лирической дерзостью» и глотнувший смертельного жара войны, мог создать реквием в честь простого русского парня, погибшего на войне, парня, который «положен... в шар земной, как будто в мавзолей».

После первого послевоенного сборника «Третья скорость», который был составлен из таких вот строк, пропахших порохом, вынесенных поэтом «из-под обстрела на руках», Сергей Орлов прошел большой и сложный путь. Нынче этот путь подытожен двухтомником его избранных стихотворений. «Лирическая дерзость», свойственная ему в дни молодости, не покинула поэта и теперь, как не покинула его романтическая возвышенность и приподнятость в тех случаях, когда он говорит о героическом подвиге народа в дни мира. Вообще масштабность, присущая Сергею Орлову при изображении фронтовых будней, околного бытия, стала неотъемлемым свойством его лучших стихотворений, написанных в последнее время.

Оставаясь верным теме воинского долга, теме причастности своего поколения и самого себя к величайшим событиям эпохи, Сергей Орлов в других лирических темах сохранил эту возвышенность и романтическую мироощущения. Лирика Орлова чело-вечна, задушевна, она обладает той же сокровенностью интонаций, что и стихи о войне.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

«ПСКОВИТЯНКА»

О. САХАРОВА

Возобновлена «Псковитянка», дважды уже рождавшаяся на сцене Большого театра — впервые в 1901 году с Шаляпиным в главной партии и затем в 1932 году.

Огромный интерес к новой работе театра вызывает самый выбор произведений. Первая опера одного из величайших русских композиторов и самых ярких представителей знаменитой Могучей кучки, Н. А. Римского-Корсакова, давно и неизбежно стоит в ряду отечественных и мировых музыкальных шедевров. Истинно новаторский реализм, тонкий национальный колорит, глубочайшая народность музыки захватывают и сегодняшнего слушателя, открывают перед ним страсти и страдания героев.

В «Псковитянке» есть главные партии — царя Ивана Грозного, княжны Ольги Токмаковой, посадничьего сына Михайлы Тучи. Но главное действующее лицо в опере — русский народ. Взаимоотношения героев развиваются не «на фоне» народных хором — их трагическая судьба неразрывна с болью самой земли русской. Не случайно, наверное, первыми музыкальными набросками «Псковитянки» были именно народные сцены: хор встречи царя псковичами, сказка «Про царевну Ладуну», девичий хор «По малину, по смородину»... В этих эпизодах сразу же обозначился весь настрой будущей оперы — исторически масштабный и одновременно лирический, неизбежно связанный с народной мелодией. Друзья и сподвижники композитора восторженно и увлеченно приняли первые куски оперы. В. В. Стасов, по воспоминаниям самого Римского-Корсакова, «восторгался, гудел и шумел».

Народными песенными интонациями, напевами пронизана вся музыкальная ткань оперы. Арии, речитативы, ансамбли как бы выливаются из хором, чтобы затем, развив новую драматическую линию, оттенив новую сторону души героя, вновь раствориться в народном хоре.

Сегодняшние постановщики и исполнители «Псковитянки» в Большом театре, думается, сумели воссоздать на сцене главное — народный дух оперы. Им насыщены и прекрасные, чистые и простые декорации, написанные народным художником СССР В. Рындиным. Почти прозрачный занавес не отделяет зрительный зал от жизни сценических героев, он лишь еще острее подчеркивает нашу сопричастность драме, происшедшей на псковской земле четыре столетия назад. Динамичны, выразительны массовые сцены, мастерски поставленные режиссером, народным артистом СССР И. Тумановым. Полнокровный, активный образ народа в музыке Н. А. Римского-Корсакова нашел точное и яркое пластическое воплощение.

Более десяти лет назад впервые спел партию Ивана Грозного в «Псковитянке» народный артист СССР А. Огнцев. Многие и сейчас вспоминают, какой успех выпал тогда на долю талантливого певца. В сегодняшней постановке царь Иван — А. Огнцев старше, мудрее и трагичнее.

Силой таланта актера и певца А. Огнцев создает грандиозный по внутреннему накалу образ. Первое, безмолвное появление перед псковичами, зоркий, тревожно-настороженный взгляд приносят тревогу не только на сцену — она проносится над всем зрительным залом. Чутко и верно следуя мысли композитора, Огнцев вызывает трансформацию характера Ивана Грозного, узнавшего в псковской княжне Ольге свою дочь. Не только зов родной крови, воспоминания о любви к ее матери, Вере Шелого, влекут к Ольге грозного царя. Он угадывает чистую, мягкую ее гордость, душевную независимость, которые чтит этот суровый человек в окружающих его людях. Не страх, не раболепное смирение, а пылкое, богатое любовью сердце находит царь Иван в молодой псковитянке. И страшный, кричащий взгляд царя, застывшего в последней сцене над телом убитой Ольги, вызывает в зале безмолвие скорби.

Глубокий, гибкий голос народной артистки РСФСР Т. Милашкиной как будто создан для таких партий, как Вера Шелого и Ольга в «Псковитянке». За внешним спокойствием, мягкостью угадывается бесконечная глубина страстного и верного в своей любви сердца русской женщины. Певца чувствует и верит своим героиням, а это неизбежно передается зрителям.

Михайлу Тучу, предводителя псковской вольницы, возлюбленного Ольги, поет сегодня в Большом молодой певец В. Пьявко. Иногда кажется, что он слишком увлекается возможностями и своего голоса и того великолепного музыкального материала, что отпущен на долю его героя в «Псковитянке». Но, может быть, именно таким, порывистым, необузданным, раздольным, и был вольный псковский боец.

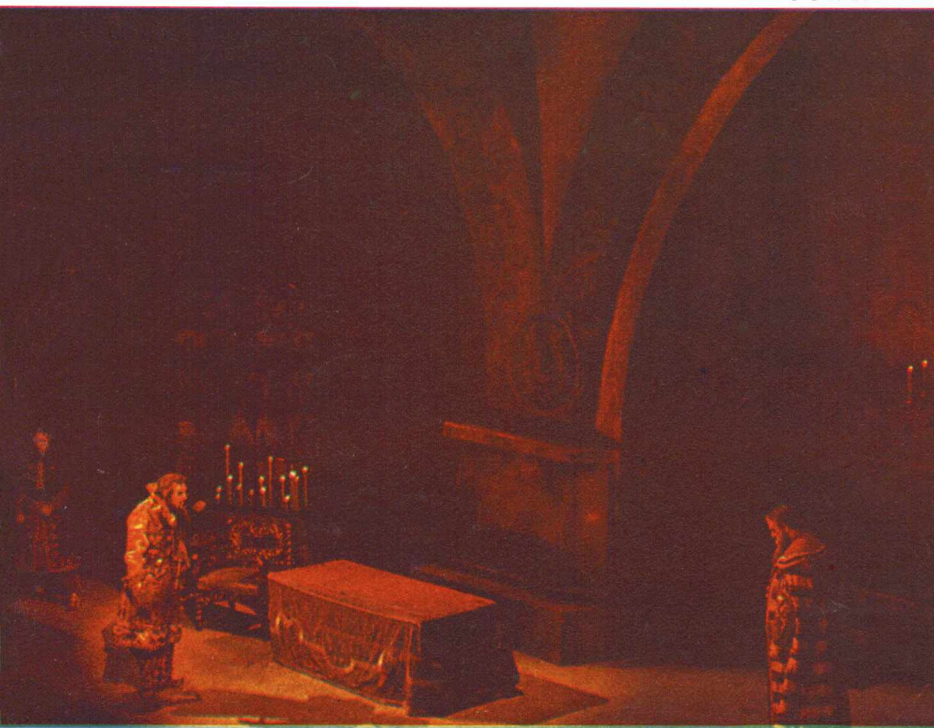
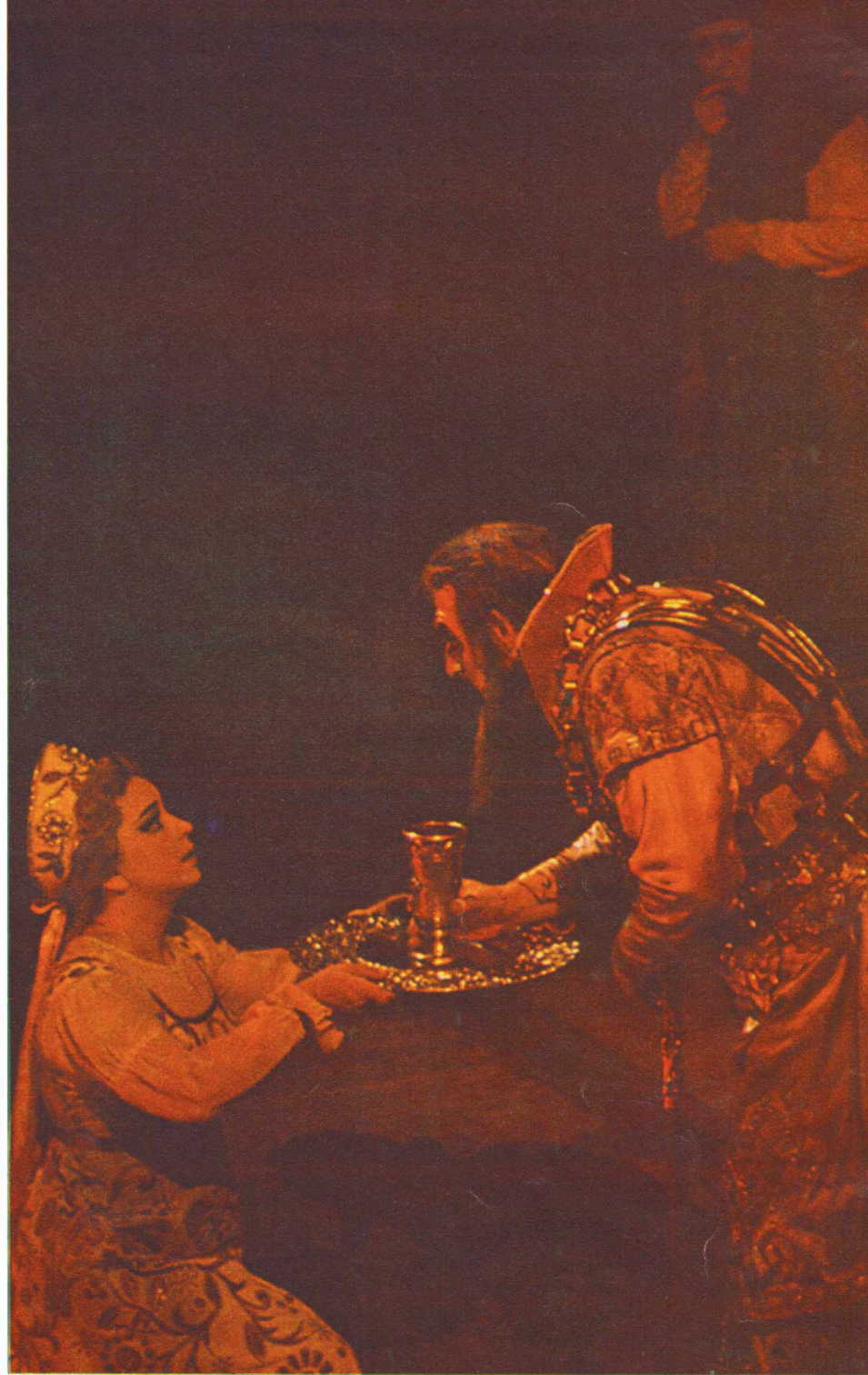
Ансамбль Большого театра не изменил себе: в «Псковитянке» прекрасно звучат хор и оркестр, и солисты. Немалая заслуга в этом, безусловно, и молодого главного дирижера театра Ю. Симонова и хормейстеров — народного артиста РСФСР А. Рыбнова и Л. Саввы.

На конкурсе «Московская театральная весна — 71» новая постановка театра награждена почетной грамотой. Дипломы за индивидуальные работы присуждены А. Огнцеву и Ю. Симонову.

Опера «Псковитянка» в ГАБТе. Сцена из 1-го акта — в саду. Внизу: хоромы Токмакова. Вече. Справа: Ольга — народная артистка РСФСР Т. Милашкина, Иван Грозный — народный артист СССР А. Огневцев. Внизу: Надежда — Т. Синявская, Вера Шелога — Т. Милашкина.

Фото
Е. УМНОВА.

Сцена выезда Ивана Грозного.

Артист

В палате военного госпиталя шел концерт. Закованные в гипс, перекуренные бинтами, в самых неудобных позах лежали раненые. У дверей притулились санитарки.

Я читал Есенина:

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где ланчой с березовой вышкой
Взметнулась колокольня без креста.

— Артист? — слышу удивленный незнакомый голос. — Валька!..

У окна лежал раненый с наглухо перебинтованными глазами.

— Я узнал тебя по голосу! Валька! Ты все-таки стал артистом. Вот встреча! Подойди. Видишь, какой я? — Рукой, по локоть зажатой в гипс, он показал на глаза.

Я остановился, не зная, продолжать ли чтение.

— Где ты, артист? — И, обращаясь уже ко всем, он заговорил по-мальчишески быстро: — Мы ростовские, жили в одном дворе. Это я прозвал его артистом. Он очень похож на учителей изображал.

Из-под бинтов видны были волосы, нос, подбородок.

— Да это же я, Косыка! Неужели не признал?

Кто-то толкнул меня костылем в спину. Санитарка потянула к окну.

— Я не знаю его, никогда не жил в Ростове, — сказал я.

— А ты потрафь ему, прикинься.

— Да не Валька я.

— Ври больше, — прогудел с соседней койки бас. — Он за три месяца ни строчки домой не написал. На фронте героем был, а тут, видишь, страшится.

Подталкиваемый молящими взглядами раненых, я подошел к Косыке. Он поискал в воздухе мою руку и крепко стиснул.

— Артист, расскажи, как дома. Город как? Ростов освободили недавно. Я читал в газетах о разрушениях, о пожарах, о зверствах гитлеровцев.

— Наша Садовая цела?

Что сказать ему? Что я никогда не был в Ростове и даже не представляю, как он выглядит? Я был в растерянности.

— Знаешь, после освобождения не пришлось... Учусь в Москве, в театральном училище.

— А я вот ослеп. Фугасом тряхануло. — Он откинулся на подушки.

— Доктор говорит, после операции прозреешь, — успокаивала санитарка.

— Не верь, Валька. Один шанс из тысячи. Вот здорово, что мы встретились. Скажи, как Петро?

— Петро? — переспросил я.

— Петро-хромоногий.

Что могло случиться в войну с хромоногим парнем?

— В эвакуации, наверное, — нерешительно ответил я.

Не знаю, чем бы окончился наш разговор, но дверь палаты раскрылась, и вошла певица в сопровождении баяниста. Я стал торопливо прощаться.

— Заходи, — просительно произнес Косыка.

Я пообещал. Но что говорить ему при следующей встрече? Что произошла ошибка? А может, вовсе не приходиться?

В коридоре меня догнала сестра.

— Вы непременно должны прийти еще. Операция предстоит очень серьезная. Он нервничает. Теряет веру. Вы же друг детства.

— Он ошибся. Ему показалось. Мы незнакомы. О чем говорить с ним? Он станет вспоминать друзей, родных...

— Я расскажу вам, что знаю. Вы артист, вы поймете.

Она поведала мне историю Косыкина ранения, анкетные данные больничной карточки и обрывки фраз, имен, произнесенные во сне, чаще в бреду.

— Помогите ему. Помогите нам, — закончила она рассказ.

— Что же, попытаюсь.

Мы условились, что я приду дня через три в ординаторскую, и она, возможно, добавит еще какие-нибудь факты, случаи, а я за это время как можно больше узнаю подробностей о Ростове, о его достопримечательностях.

Через три дня я пришел прямо к сестре. Она сказала, что Косыка повеселел, стал разговорчив, вспоминает Дуню, с которой учился в школе... И что операция назначена на конец недели.

Сестра проводила меня в палату.

— Здравствуйте!..

Я шел мимо коек, пожимая здоровые руки раненых. Косыка был очень рад моему приходу.

— Какие новости? — спросил он.

— А у тебя? — Я решил сам задавать вопросы.

— А вот. — Он на ощупь достал из тумбочки осколок, извлеченный из его тела хирургами. — Еще один прибавился. Вот откуда. — Он похлопал себя по ягодице и засмеялся. — Помнишь, мы лазили за грушами в соседский сад и нас из ружья сторож солью по этому самому месту... — Косыка вздохнул. — После нашей встречи я часто вижу дом, маму, Василь Васильевича, дочку его Дуню.

— Напиши ты, наконец, домой, — обиженно сказал я.

Он не обратил внимания на мои слова.

— Помнишь, на выпускном вечере Дуня читала стихи? Как это...

В те годы часто читали «Гренаду» Светлова.

— Гренада, Гренада, Гренада моя... Это? — спросил я.

— Вот-вот, оно самое.

Я стал читать. Он слушал молча, и только по вздрагивающим губам я угадывал его переживания. Стихотворение кончилось.

— Что-нибудь про мирное время. Давай еще!

— И погромче! — раздался голос раненых.

— Нет, погоди. Пиши письмо, я продиктую, — решительно сказал Косыка.

Под его диктовку я написал короткое письмо. Последние слова Косыка произнес с улыбкой:

— Пишет же эти строки Валька-артист, которого я встретил здесь, в госпитале. — Он усмехнулся. — Вот удивятся наши!

Я свернул письмо треугольником и в тот же вечер опустил его в почтовый ящик.

В конце недели я забежал в госпиталь узнать, как прошла операция. Дежурная сестра сказала, что все в норме, но пустить к больному она не может.

Встреча с Косыкой произошла через несколько дней. Я остановился в дверях палаты. Косыка лежал на койке, освобожденный от бинтов, и глядел в потолок. На меня он не обратил внимания.

— Здравствуйте! — приветствовал я раненых нарочито громко.

Скрипнули кровати от резких движений. Наступила пауза. Косыка рассматривал меня долго-долго. Я подошел. Слов у меня не было, да и у него тоже. Не торопясь, он вытащил из-под подушки письмо и подал мне... Письмо было из Ростова, от матери. В нем была материнская радость, домашние заботы и новости. Мать писала, что Валька-артист погиб в первом бою под Харьковом, о чем давно пришла похоронная...

— Здравствуй, артист! — медленно произнес Косыка и протянул руку.

Из

ВОСПОМИНАНИЙ ОСВЕТИТЕЛЯ

— Боже мой, как нас принимали в Варшаве! Билеты были проданы вперед за два месяца. К театральному подъезду не пробиться. Цветы, цветы, пирамиды цветов. В первом акте, когда Люсьена — догадываетесь, на кого намекаю? Небось, не раз видели ее в кинематографе, — так вот выходит она в длинном платье в талию, ресницы во! Волосы спадают на плечи, идет на авансцену. Я держу ее, из луча не выпускаю. Волнуюсь, черт побери: вдруг захлестнут ее эмоции, выскочит из луча, а потом бегай за ней по сцене. Но она павой прошла, откинула ножкой длинный шлейф и так проговорила монолог, да на польском языке, что зритель ахнул. Успех был небывалый. Поклоны я осветил на всю катушку, ярче, чем на хоккейном поле.

А в Париже огромный успех имел Шекспир. И особенно финал, когда я бросил красный свет, и он заметался, задрожал, пошел по заднику на пол и, как конь, остановился перед Ричардом Третьим. Диафрагму сужаю. Пауза. Артист подан на блюдецке. Зрительный зал замер. Только звенит разогревшаяся лампа в юпитере: «З-з-з-з»... Публика нас приветствовала стоя. А, между прочим, блуждающий луч придумал я...

Мимо прошел знаменитый Козаков.

— Узнаете? Я водил его в «Гамлете». Привет, Миша!

Одна

страничка

Текста в моей новой роли всего одна страничка, роль эпизодическая, но написана ярко, эмоционально.

Молодой лейтенант, переодетый в форму железнодорожника, заброшенный с самолета в тыл немецкой армии, попадает прямо в расположение фашистского штаба. Избитый, измученный допросами, сидит он в тюремной камере в ожидании расстрела. Эпизод так и назывался «Перед расстрелом» и заканчивался побегом, но уже вместе с немцем-охранником. Во время репетиции ко мне подошел автор пьесы и сказал:

— А ведь герой, которого вы играете, живет в Москве. Сейчас он, правда, болен. Я отнес ему пьесу на чтение. Вот номер телефона. Зовут его Андрей Платонович. Очень интересный человек.

Я обрадовался редкому случаю познакомиться с живым героем, образ которого мне предстояло сыграть на сцене. И в тот же ве-

чер позвонил Андрею Платоновичу, назвал себя и получил приглашение зайти.

Встретила меня пожилая женщина, провела в небольшую комнату. На несколько минут я остался с глазу на глаз со множеством фотографий военного времени. Казалось, и они разглядывали меня с любопытством. Пожилая женщина вошла и положила на стол рукопись пьесы.

— Андрей Платонович болен и не в силах разговаривать с вами, — почти шепотом произнесла она и плотнее прикрыла дверь в соседнюю комнату, — я ему ничего не сказала. Одну страничку про такую жизнь! А где окопы на волжском берегу? Где атака под Курском? Вот посмотрите, — она показала на книжную полку, — книги о друзьях, однополчане. Обо всех томá, каждый бой описан, а про него лишь упоминание: «...слева на фотографии». Передайте в театре: один случай не расскажет о всей жизни. Прощайте! — И она вручила мне пьесу.

Я растерялся, пытался объяснить, но за стеной раздался кашель, и меня просто-напросто вывели.

Встреча, знакомство, разговор не состоялся. А мне так хотелось побольше узнать про своего героя. Я пошел в библиотеку, разыскал те книги, которые видел в комнате Андрея Платоновича. Просмотрел множество газетных подшивок за военные годы. И чем больше я проникал в характер своего героя, тем интереснее проходили репетиции.

Я узнал, что войну Андрей Платонович начал в Сталинграде. Что сразу же после битвы за Волгу он был заброшен в тыл, под Курск, и принимал участие в знаменитой битве на Курской дуге. Там ему присвоили звание майора, наградили вторым орденом. Будучи раненым в правую руку под Берлином, он остался на переднем крае и в короткий срок научился стрелять и даже рисовать левой рукой. Я узнал, что он совсем не пил водку, а в пьесе, между прочим, по ходу действия мне подносили стакан шнапса... Теперь я уже не пил.

Все самые маленькие детали характера, привычки я старался втиснуть в роль, но не увеличивая ни на словечко текст. Зато появились паузы. Режиссер насытил сцену музыкой, световыми бликами.

Спектакль получился героический, темпераментный, с пафосом. Гром аплодисментов раз-

дался в зале, когда я и немецкий солдат убежали из камеры.

За кулисы приходили взволнованные зрители и благодарили. Пришел и Андрей Платонович с женой.

— Мне говорили, — смущенно произнес он, — что обо мне всего одна страничка, а оказывается, вся моя жизнь. Спасибо вам. — И он неуклюже поклонился.

Я — Гамлет

Заболел Гамлет. Выпал ли из окна, или отравился баклажанной икрой — все это не имело никакого значения. Гамлета уложили во Вторую градскую больницу на полтора месяца.

Дублера у него не было, и надвигалась катастрофа. Руководство театра с утра заседало в кабинете главного режиссера. Неожиданно вызвали меня.

Дело в том, что Гамлет — моя мечта и я самостоятельно готовил эту роль. Но об этом знал лишь старый гример, которому вечерами я читал шекспировские монологи.

И вот я стою посредине кабинета, и главный режиссер разглядывает мое лицо, фигуру, будто видит впервые.

— Готовил, значит, роль? Так, так... Читай! «О, если б эта плоть...»

Я понял, что решается моя судьба. Чего бояться? Ведь я могу играть Гамлета! Надо только сосредоточиться и...

— О, если б эта плоть моя могла растаять, сгинуть, изойти росой...

С первых же реплик чувствую, что пришло вдохновение. После монолога «Быть или не быть» наступает грандиозная пауза, и директор счастливым голосом произносит:

— С богом, выход найден!

Две недели дневных и ночных репетиций. Откуда у меня берутся силы, не знаю. Завистники шепчутся по углам, хихикают в кулисах. Что мне до них! Я играю Гамлета!

Наконец генеральная. В зале вся театральная Москва. Откуда узнали, неизвестно.

Монолог «Быть или не быть» произношу в мертвой тишине. Слышу всхлипывания, почти рыдания в сцене с Офелией. Наконец, убийство, смерть... Занавес. Что тут началось! Кри-

ки, овации... Моя фамилия заполнила своды зрительного зала. Занавес не успевают открывать и закрывать.

В гримировочной директор обнимает и шепчет о прибавке, главный режиссер твердит о звании заслуженного. Из зала слышны аплодисменты. Неутомимый звонок помощника режиссера зовет на сцену, на поклон!

— Черт возьми, да выключите звонок! — кричу я и... просыпаюсь.

На старом будильнике пять часов. Я утираю вспотевший лоб и вспоминаю, что я в отпуске в деревне и что пора будить деда.

Мы сговорились пойти на рыбалку.

Тайфун

За столиком сидели двое. Один — в залоснившейся замшевой куртке, бородатый, с трубкой в зубах — слушал; другой — загорелый, в добротном костюме, гладко выбритый — рассказывал:

— К берегу подойти мы никак не могли. Разнесло бы в щепки нашу посудину. Волны набрасывались как звери, омывали водой и тянули все дальше и дальше. Да и к лучшему: там, в океане, все меньше вероятности разбиться. Ночь прошла в усилиях удержаться по волне нос нашей коробки. Утром ветер переменился, и нас понесло по течению неизвестно куда. Короче, трое суток болтались мы в океане, обессиленные, голодные, почти не разговаривавшие друг с другом. Наконец, нас подобрал какой-то корабль иностранной державы. На чужих островах прожили мы еще месяц, не имея фактически никакой связи с домом. Да что рассказывать... Все испытали: и провокации и издевательства. Вернулся я на родину, а базы, где мы с Мариной познакомились, полюбили друг друга, нет. Плавающая была база. Я туда-сюда, стал разыскивать — нашел. Базу нашел, а Марины нет. Ушла, совсем ушла из паромства. Куда? Никто толком не знает. Знакомы мы были с ней мало. Ни о чем я ее не расспрашивал и не знал даже, есть ли у нее какие родственники. Знал, что волосы расчесывала плавнее всякой русалки, что любила меня и пела «Клен ты мой опавший», как цыганочка. А сегодня в вашей Москве встретил ее. Идет по улице королевой, девочку маленькую за руку держит. Гладкая вся, устроенная, видать, ее жизнь. Я в толпе стою, наблюдаю. Эх, шторм, тайфун океанский! Разбил, разметал любовь...

— Тайфун? — дымящая трубка опустилась на стол, и губы процедили: — Лучшего названия не придумаешь. Сколько вас было в лодке?

— Восемь рыбаков.

— Многовато. Оставим троих и мальчишку, школьника.

— Что? Кого оставим?

— В остальном положитесь на меня. Встреча с Мариной пойдет как воспоминание. Представляете: в голубом луче Марина поет цыганский романс, а герой, назовем его Ярославом, лучше — Славкой. Так вот Славка в это время борется со стихией. Потом луч на детское личико — оно плачет. Затем причал, где собрались друзья-товарищи, в этой живописной массовке... И музыка... Та-та-та-та, тарам-тарам, тарам... Подберем что-нибудь из Чайковского.

— Ты за кого меня принимаешь?

— Договор подпишем хоть сию минуту!

— Я тебе больше доверил, тоску... Эх ты! — Бросив небрежно на стол деньги, рассказчик понуро пошел между столиков.

— Кто это? — спросил официанта бородатый.

Официант пожал плечами:

— Не знаю, Александр Аполлонович! Днем ресторан Дома актера открыт для всех.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Ежемесячному литературно-художественному журналу «Советиш геймланд» («Советская Родина»), выходящему на еврейском языке, исполнилось десять лет. Недавно вышел его сотый номер — праздничный, красочный, с обилием интересных материалов, как бы подытоживающий пройденный путь, путь творческих исканий, трудностей, удач.

Перелистывая страницы журнала за минувшие годы, убеждаешься, что юбилар, несмотря на молодость, успел внести посильный вклад в дальнейшее развитие еврейской советской литературы, являющейся органической частью всей многонациональной советской литературы.

В первом номере, вышедшем десять лет назад, «Советиш геймланд», обращаясь к читателям, обещал широко и всесторонне освещать жизнь советского народа, его самоотверженную борьбу за мир во всем мире, за счастливое будущее. Время показало, что журнал с честью сдержал свое слово. Главным героем опубликованных произведений выступает человек, освобожденный Великим Октябрем, человек, который сбросил с себя тяжелый груз прошлого и вместе со всеми народами страны строит новый мир, мир справедливости, мир социализма.

Тема современности — главная тема журнала. В статье, открывающей юбилейный, сотый номер, главный редактор журнала Арон Вергелис подчеркивает: «Сложная гамма чувств, представлений, настроений современности вошла в самую душу нашего журнала. Можно с уверенностью сказать: почти все, что публикуется в нем, современно и актуально. Даже исторический мотив работает активно на пользу справедливых тенденций дня».

В лице «Советиш геймланд» еврейские советские писатели получили широкую трибуну. Не будет преуве-

личением, если скажем, что многие значительные художественные полотна, обогащенные в последнее время еврейскую литературу, обязаны журналу, его животворному влиянию, той творческой атмосфере, которая окружала его.

Многие произведения еврейских советских писателей, публиковавшиеся в журнале «Советиш геймланд», вышли впоследствии отдельными книгами как на родном языке, так и в переводе на языки народов СССР.

Отрадно и то, что «Советиш геймланд», продолжая лучшие традиции еврейской советской литературы, поддерживает постоянный контакт с литературами братских советских народов.

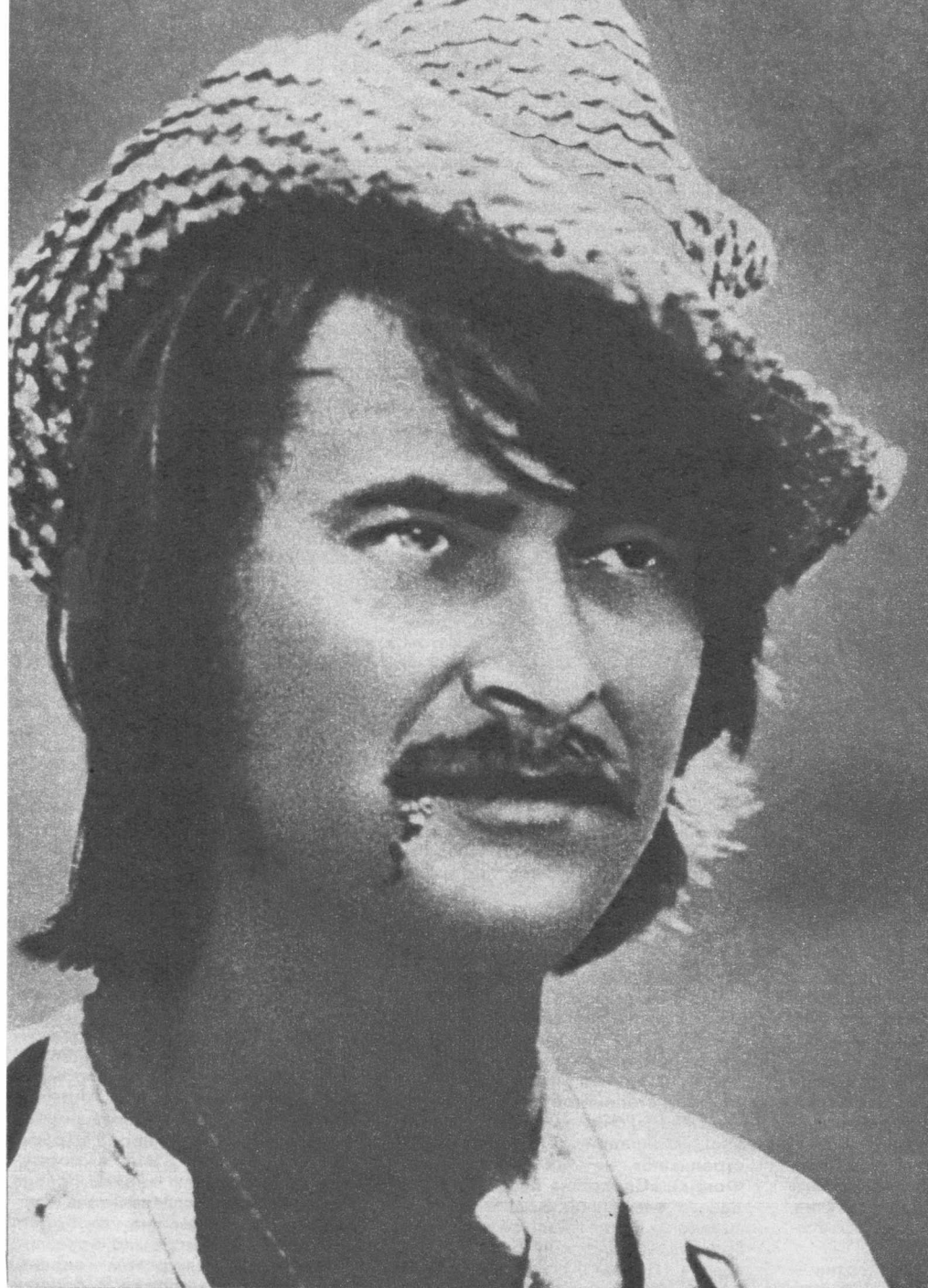
За минувшее десятилетие на страницах журнала увидели свет произведения прогрессивных еврейских поэтов и беллетристов США, Франции, стран Латинской Америки и Израиля.

Журнал «Советиш геймланд» завоевал много друзей не только на своей родине — в Советском Союзе, но и далеко за его рубежами.

Пожелаем же журналу «Советиш геймланд» новых творческих успехов!

С. РАБИНОВИЧ

**К итогам VII
международного
Московского
кинофестиваля**

Актриса Ада Роговцева в роли Марии. Фильм «Салют, Мария!». Режиссер И. Хейфиц.

Киноактер Иван Миколайчук в роли Петра Звонаря. Фильм «Белая птица с черной отметиной». Режиссер-постановщик Юрий Ильенко, производство киностудии имени А. Довженко.

УНИВЕРСИТЕТ ТВОРЧЕСТВА

В. ШАЛУНОВСКИЙ

На VII международном Московском кинофестивале присутствовало более 900 участников и гостей из 70 стран мира. И все они — актеры, режиссеры, критики, продюсеры, деятели кино — уехали из Москвы, обогащенные впечатлениями.

— Московский кинофестиваль занимает особое место среди фестивалей мира не только по широкой представительности, но и по интересному подбору картин прогрессивных деятелей кино. Я всегда, расставаясь с Москвой, с нетерпением жду новых с ней встреч. — Это слова известного венгерского кинорежиссера Золтана Фабри.

Замечательный деятель чехословацкого кино Карел Земан свое отношение к Московскому фестивалю выразил так:

— Тема мужества и героизма во имя светлых идеалов звучала во

Кадр из кинофильма «Убийцы именем порядка». Режиссер Марсель Карне, Франция.

многих произведениях, представленных на фестивале. И прежде всего в фильмах социалистического кино. Мы вновь могли убедиться, что все дороги прогрессивного киноискусства в фестивальные дни вели в Москву.

Популярный писатель и режиссер из Сенегала Сембен Усман сказал:

— Для нас, африканских кинематографистов, фестиваль в Москве — университет высокого профессионального мастерства, идейного творчества, дружбы и взаимопонимания между народами.

Университетом творчества, используя выражение нашего друга Сембена Усмана, думается, можно назвать все три фестиваля, проходившие на Московском кинофоруме: фестиваль полнометражных художественных фильмов, фестиваль короткометражных лент и фестиваль детских картин.

Сейчас, когда остались позади дни большой, сложной и ответственной работы, бесчисленное количество деловых встреч, творческих разговоров, обсуждений и дискуссий, когда три международных жюри вынесли свои решения, кинематографическая общественность всего мира продолжает подводить итоги VII Московского.

Можно сказать, что основной и главный вывод, пожалуй, единодушен. Передовое, прогрессивное искусство одержало еще одну убедительную победу. На пути поступательного развития кинематографа высоких мыслей и светлых идей, кинематографа человеколюбивого и жизнеутверждающего, активно вмешивающегося в борьбу за социальный прогресс, фестиваль в Москве стал еще одной, заметной вехой.

Высших наград фестиваля — Золотых призов — удостоены фильмы «Признание комиссара полиции прокурору республики» (Италия), «Сегодня жить, умереть завтра» (Япония), «Белая птица с черной отметиной» (СССР). Золотым призом награжден за режиссуру польский режиссер Анджей Вайда.

На экране предстали разные герои, разные стороны жизни...

В итальянской ленте, переносившей нас под голубое небо Сицилии, идет острейший, серьезнейший разговор о таких уродливых явлениях капиталистической действительности, как коррупция, безграничная власть денег, торжество жестокости и насилия над

справедливостью и честностью, даже над самим законом, рожденным этой капиталистической действительностью... О жестоком и страшном мире цистогана, о мире насилия, бесправия и духовной опустошенности идет речь и в японской картине. Страшная судьба ее героя, судьба в общем-то обычного, ничем особенным не примечательного юноши по имени Митио, ставшего в конце концов убийцей, раскрыта как судьба многих и многих отверженных.

Сила этих фильмов — в глубокой реалистичности, предельной достоверности. Их сюжеты, их образы подсказаны жизнью; их авторы остаются художниками, верящими в человека, в конечную победу света над тьмой.

Жизнеутверждение, гуманизм — эти черты вообще характерны для большинства фестивальных картин. Они явственно ощутимы в фильмах «Гойя» (ГДР) и «Дни воды» (Куба), удостоенных специальных призов жюри; они отличают фильмы «Эмитаи» (Сенегал) и «В семье» (Бразилия), награжденные серебряными призами. Мы видим их в фильмах «Маленький большой человек» и «Генералы песчаного карьера» (США), отмеченных призами общественных и творческих организаций... Правда, следует заметить, что такие понятия, как добро и зло, человеколюбие, авторы некоторых картин трактуют порой уже чересчур широко и общо, словно бы забывая об их главной — социальной, классовой сущности.

Узловые моменты истории, острые социальные конфликты нашли своеобразное талантливое отражение в фильме «Белая птица с черной отметиной». На примере одного западноукраинского села, а точнее, на примере одной семьи из этого села, создатели советской картины сумели раскрыть большую правду жизни, правду сурового и сложного десятилетия, в центре которого события Отечественной войны.

Среди премированных картин — произведение чехословацких кинематографистов «Ключ». Лента трагическая и горькая стала взволнованным словом памяти отважных патриотов, героических коммунистов-подпольщиков...

Одной из важных задач международных кинофестивалей, тем более таких представительных, как Московский, является определение творческих, чисто профессио-

нальных критериев кинопроизводства. Именно на фестивалях с достаточной четкостью обрисовывается творческий и технический уровень, характерный для современного кинематографа. Этот уровень и становится затем нормой в работе студий и съемочных групп. Профессиональный уровень фильмов Московского фестиваля — особенно же если брать вместе ленты конкурсные и внеконкурсные — был очень высоким.

О профессионализме, мастерстве кинематографистов в целом можно — разумеется, с известной мерой условности — судить по игре актеров. Это понятно. В игре актера, работе актера над образом героя концентрируются обычно усилия всех создателей фильма. Тут хорошо виден труд и сценариста, и режиссера, и оператора, и гримера, и костюмера... В этом смысле VII Московский порадовал отличными образцами актерского творчества. Лауреатом фестиваля стала советская актриса Ада Роговцева. Исполнив главную роль в фильме «Салют, Мария!», А. Роговцева блестяще справилась с труднейшим творческим заданием: показать развитие образа в течение длительного времени. Ее героиня проходит на экране путь длиной в несколько десятков лет: от юной революционерки до многоопытного ветерана партии. Подкупают в образе героини доброта и правдивость, искренность и душевное обаяние.

Интересные, содержательные образы создали кубинская актриса Идалия Анреус, поляк Даниэль Ольбрыхский, англичанин Ричард Харрис — все они также отмечены наградами фестиваля.

Замечательной игрой актеров в немалой степени обусловлен успех фильмов «Гойя» (Донатас Банионис), «Лошадей ведь тоже пристреливают, не так ли?» (Джейн Фонда), «Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений» и «Сакко и Ванцетти» (Джан Мария Волонте), «Маленький большой человек» (Дастин Хоффман), «Убийцы именем порядка» (Жак Брель)...

...Дела и дни миллионов людей нашей планеты, их мечты и стремления, их заботы и беды предстали и на экране фестиваля короткометражных фильмов. Здесь, как и на «большом экране», как и на проведенной в рамках фестиваля дискуссии «Кино в борьбе за социальный прогресс», отчетливо звучали темы

острой социальной направленности, темы общественно значимые, политически актуальные. Они приобретали здесь, пожалуй, даже большую конкретность и целенаправленность, поскольку разговор шел на языке документов и фактов — языке весомом и зримом.

Национально — освободительная борьба, героический отпор американским агрессорам со стороны народа Вьетнама, разоблачение пресловутой «свободы» в Соединенных Штатах, борьба за социальную справедливость и гражданские права — вот содержание многих лент, созданных киножурналистикой.

Фильмы «Стальная стена Винь-Линь» (ДРВ) и «Охотники в горах Дак-Шао» (Республика Южный Вьетнам) перенесли нас на многострадальную землю Индокитая. Картина «Как, зачем и почему убили генерала» (Куба) раскрыла преступления врагов республики Чили. В фильме «Горячий ветер свободы» (СССР) показан борющийся народ Дофара, а фильм «Только начало» (США) клеймит злодеяния американской военщины...

Большой публицистической силы исполнена лента, снятая французскими документалистами, — «Анджела Дэвис — портрет революционерки». Основная часть этого фильма снималась в 1969 году — Дэвис тогда еще была на свободе, преподавала философию в Калифорнийском университете, занималась общественной, политической деятельностью. Мы видим изящную, стройную девушку с умными, спокойными глазами, веселую, общительную и остроумную, видим мужественного борца, отважного революционера, коммуниста. Фильм внушает огромное уважение и сочувствие к Анджеле Дэвис, как и чувство возмущения действиями реакционеров и расистов, бросивших Дэвис в тюремные застенки... Мы верим: правда восторжествует, славная дочь Америки снова будет на свободе!

...Более 120 лент было показано только на конкурсном экране. Просмотрев их, многие участники фестиваля вместе со своими фильмами отправились на встречи со зрителями в Ленинград, Киев, Минск, Ташкент, Баку, Тбилиси, Свердловск, Сочи... А позднее фестиваль придет и в другие наши города и села. Ведь лучшие фильмы — как конкурсные, так и внеконкурсные — будут приобретены для широкого показа.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВЕЙНАХОВ...

Спектаклем «Асланбек Шерипов» М. Солцаева открылись в Москве гастроли Чечено-Ингушского государственного драматического театра имени Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова.

Драматическая повесть о революционном прошлом героического народа, о мужестве и героизме вейнахов, под знаменем Ленина поднявшихся на борьбу с

белобандитами и их пособниками, английскими и турецкими колонизаторами, воссоздает судьбу Асланбека Шерипова, одного из первых горских революционеров. Вдохновенный поэт, бесстрашный предводитель молодых чеченцев и ингушей, Асланбек погибает в неравной схватке с врагами, но ленинское знамя подхватывают сотни гордых вейнахов. Оно приведет их к победе...

На сцене Малого, где начались гастроли театра из города Грозного, московские зрители увидели еще одно произведение молодого драматурга М. Солцаева, драму «Бешто».

— Вообще молодежи у нас широко открыта дорога в творчество, — рассказывает министр культуры Чечено-Ингушской республики, народный артист ЧИ АССР Ваха Ахмедович Таев.

— Недавно коллектив нашего театра пополнился талантливыми выпускниками Ленинградского института театра, му-

зыка и кинематографии. Режиссер и драматург М. Солцаев стал главным режиссером, художественным руководителем театра, и надо сказать, что, несмотря на молодость, это уже сложившийся мастер, умеющий увлечь коллектив и установкой интересных задач и их зрелым осуществлением.

В нынешнем году театру исполнилось сорок лет. Его история богата замечательными именами режиссеров и актеров, многих известных композиторов и художников.

Маленькому вейнахскому народу Советская власть дала истинные орлиные крылья! С появлением письменности у нас расцвели литература, поэзия, драматургия; великодушный горский фольклор, народные легенды, песни, былины получили широкое распространение, а горцы, в свою очередь, поднялись к новым высотам культуры и искусства... Еще до войны, в 1933 году, у нас в республике был создан профессиональный

оркестр горских народных инструментов. Это возобновило и продолжило жизнь древних национальных музыкальных инструментов горцев, таких, как дечк-пандур, кахар-пандур, атух-пандур, имеющих интересное, оригинальное звучание.

Чеченцы и ингуши издавна славились прекрасными обрядовыми действиями, сложными хорами, яркими ритуальными танцами; на этой основе создан республиканский ансамбль песни и танца «Вейнах» — он известен далеко за пределами Чечено-Ингушетии... Успешно работает филармония.

Сейчас в республике три государственных драматических театра — национальный и русский; любимец нашей детворы — театр кукол.

На свои первые гастроли наш театр привозил из Грозного лучшие работы, где воссоздана многострадальная история горского народа, его героические революционные страницы...

Н. ЗЫБИНА

В. ВИКТОРОВ,

специальный
корреспондент
«Огонька»

Стадион в Хельсинки, на котором двадцать лет назад состоялся олимпийский дебют советского спорта,— одно из самых прекрасных спортивных сооружений Европы. Расположенный среди сосновых перелесков и гранитных валунов городского парка, он не только славится высокими результатами, показанными на его арене, но и двумя памятниками, воздвигнутыми в честь замечательных спортсменов, которыми до сих пор гордится Финляндия,— бегуна Пааво Нурми и метателя копья Матти Ярвинена. Оба они были на открытии X чемпионата Европы по легкой атлетике почетными гостями, но мне, признаться, трудно представить себе бронзовую скульптуру и 70-метровую башню в образе наших современников, хотя и очень пожилых, но живущих в одно с нами время. Оба давно уже стали символами атлетизма в самом высшем и благородном смысле этого слова, хотя результаты по сравнению с теми, что показываются сегодня, кажутся на удивление незначительными. И

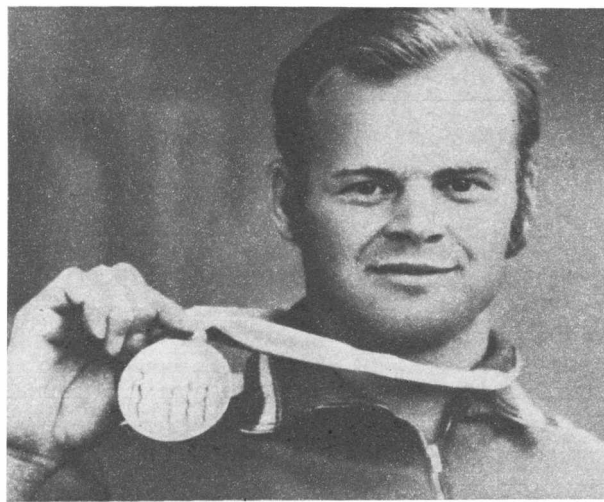
Диск, пущенный Фаиной Мельник, приземлился на отметке 64 метра 22 сантиметра. На трибуне почта не только чемпионка Европы, но и мировая рекордсменка.

СВЕТ И ТЕНИ

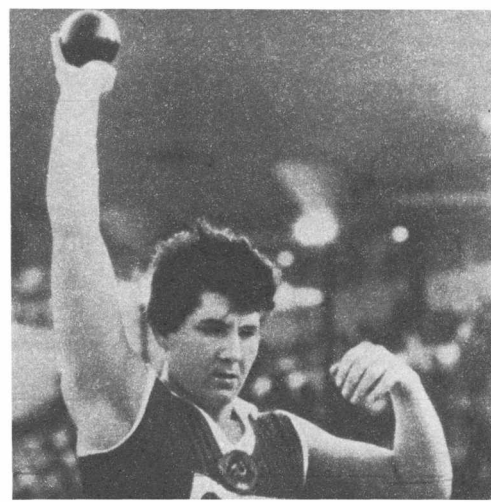
вдруг после торжественного открытия чемпионата Нурми и Ярвинен предстали перед нами уже не в виде мемориальных памятников и почетных гостей, а в облике его участников, и притом самых популярных. Только они изменили свои фамилии. Чемпионом Европы в беге на 5 и 10 тысяч метров стал Вяйкккйнен, а чемпионом Европы в метании копья — Лусис.

Уже после своей поистине замечательной победы над кумиром Финляндии, мировым рекордсменом Киннуненом Лусис мне рассказывал, что встретился с Ярвиненом перед соревнованиями и он сказал ему, что не сомневается в его победе. Видимо, Ярвинен учитывал, что Киннунен не в форме, а второй по результатам копьеметатель мира Паули Невала травмирован и не участвует в соревнованиях. Но Ярвинен, наверное, не знал, что и Лусиса второй год преследуют травмы и неудачи, что он уже несколько раз уступал первенство своему молодому земляку и тезке Янису Дониньшу. И все же чутье большого спортсмена не обмануло Ярвинена: он понимал, что такой мастер, как Лусис, обладает способностью обрести боевую форму в самый важный момент. И действительно, Лусис сумел подготовиться к выступлению на чемпионате Европы, знал, что победить в Хельсинки можно, лишь совершив «космический» бросок за 90 метров.

— И вот под сенью башни Ярвинена (ее высота равна броску финского метателя, принесшего ему

Янис Лусис в четвертый раз завоевал золотую медаль.

Надежда Чижова дальше всех толкнула ядро.

Победный финиш Валерия Борзова в беге на 200 метров.

Телефото ТАСС.

победу на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе в 1932 году, — 72 метра 78 сантиметров) Лусис во второй попытке послал свое копьё на 90 метров 68 сантиметров. К этому остается добавить лишь одно: для того, чтобы получить право бороться за золотую медаль, копьеметатели должны были выполнить квалификационную норму на предварительных соревнованиях, послав свое копьё не ближе чем на 78 метров 78 сантиметров. Вот и судите сами, как далеко шагнул спорт: башня Ярвинена ровна на 6 метров ниже заурядной нормы, которую выполнили на чемпионате в Хельсинки 7 копьеметателей, а еще 15 превзошли результат Ярвинена, показанный им в Лос-Анджелесе.

И вот в тот же первый день чемпионата, когда переполненный стадион восторженным ревом провожал в полет каждое копьё, хотя шли всего лишь квалификационные соревнования, состоялся и бег на 10 тысяч метров, который стал еще со времен Коллемайнена и Нурми любимым зрелищем страстных финских болельщиков. И каков был восторг, когда этот бег, удивительный не только по результатам, но и по огромному эмоциональному напряжению, выиграл тридцатилетний финский стайер Юха Вяяттайнен. И как выиграл! Ошеломительным рывком отбросив назад сильнейших стайеров Европы, в считанные секунды став национальным героем Финляндии, чуть ли не вторым Нурми! Ведь с тех самых времен, когда Нурми побеждал всех, ни один финский стайер не добивался такого огромного успеха. А ведь Вяяттайнен через три дня доказал, что его победа не случайна: он так же смело, вдохновенно выиграл и второй стайерский бег — на 5 тысяч метров.

Так в Хельсинки в дни чемпионата оказались два героя: финский бегун и советский копьеметатель. И здесь пришло время отдать должное финским болельщикам. Мне довелось познакомиться с любителями спорта многих стран. Я слышал вопли итальянских «тифози» в дни римской олимпиады; видел фанатичных японских болельщиков в дни олимпиады токийской, неистовых мексиканских болельщиков в дни олимпиады в Мехико; сидел рядом с экспансивными американцами в Скво Вэлли и наблюдал восторг норвежцев в тот час, когда лыжники Норвегии завоевали чуть ли не все золотые медали на чемпионате мира в Осло. Но финские энтузиасты спорта в этом негласном конкурсе, бесспорно, занимают первое место. В дни чемпионата огромный стадион был переполнен, и зрители отдавали свои симпатии так щедро, так бескорыстно всем победителям, что мне невольно вспомнились наши болельщики, которые славятся на весь мир своей объективностью.

Вот почему Лусис в Финляндии популярен не меньше, чем наследник Пааво Нурми, а Валерия Борзова теперь знает в лицо каждый финский мальчишка, — ведь финское телевидение с утра до вечера передавало все события и большие и маленькие, которые происходили на стадионе в Хельсинки. А событий было столько, что описать их все в одном репортаже просто невозможно. Только первые три счастливые для нас дня принесли столько великолеп-

ных результатов, что их, как говорится, пером не описать.

За первые три дня советские спортсмены завоевали 6 золотых медалей. Валерий Борзов, Евгений Аржанов, Николай Шмага, Надежда Чижова, Янис Лусис, Фаина Мельник — эти имена звучали в эфире, отстукивались телетайпами всех международных телеграфных агентств, их фотографии мелькали в витринах крупнейших хельсинкских магазинов.

Но потом наступил четвертый день, и здесь мы еще раз увидели, каких огромных успехов в легкой атлетике добились за последние годы наши друзья из ГДР...

Легкоатлеты Германской Демократической Республики и в первые три дня не теряли зря времени, но на четвертый день они завоевали сразу 4 золотые медали и повторили этот успех и в последний, шестой день чемпионата, причем в беге на 1 500 метров спортсменка из ГДР Карин Бурнелей установила мировой рекорд — 4 минуты 9,6 секунды, а мы в этот последний день не сумели добиться победы там, где, безусловно, были сильнейшими, — в тройном прыжке, в беге на 3 тысячи метров с препятствиями и в метании молота...

Во второй половине дня, когда начинались основные соревнования, Хельсинкский стадион как бы расщелился на две контрастные половины: одна была еще ярко освещена солнцем, другая тонула в прохладной тени. Вот так и наша команда в первые три дня нежилась в лучах успеха, а затем оказалась в тени, уступив ведущее место легкоатлетам ГДР.

Конечно, перед встречей в Хельсинки мы не сомневались в силе легкоатлетов ГДР — ведь они доказали свои возможности еще на чемпионате Европы 1969 года в Афинах. Мы знали, что главный козырь команды ГДР заключается в равноценности мужского и женского ее составов, в то время как у нас женская атлетика за последнее время значительно отстала. Но надо сказать, что даже при этом мы неправильно воспользовались возможностями наших спортсменов. Вот пример. Мы заявили наших женщин в беге на 100 метров и вдруг совершенно неожиданно в последний момент сняли их с соревнований. Почему? Говорят, что для того, чтобы сосредоточить свои усилия на второй спринтерской дистанции — 200 метров. Но и там мы ничего не достигли. И, конечно же, та же Бесфамильная имела все шансы лучше пробежать 100 метров, чем 200. В свое время наши спортсменки одержали немало славных побед в прыжках в длину. На чемпионате Европы в Хельсинки мы отказались от выступления в этом некогда «своем» виде спорта, а выступая в прыжках в высоту, где тоже не раз побеждали, на сей раз ничего не достигли. В метании копья нам не было равных, но с уходом Эльвиры Озолиной положение изменилось. Теперь Озолина ценой огромных усилий вернулась в спорт после многолетнего перерыва и завоевала право выступать на чемпионате Европы, но новая травма помешала ей, а ее молодая напарница Нина Маракина заняла лишь девятое место. В то время, когда советские спортсменки побеждали на дистанции 800 метров, она значилась в разряде средних, но теперь 800

метров разыгрываются так же стремительно, как спринт, и наших не оказалось даже в шестерке...

Наблюдая события, развернувшиеся на дистанциях стайерского бега, я подумал, что он теперь стал уже не бегом на длинные, а на средние дистанции. Он происходит на такой скорости, насыщенный такой динамикой, такими внезапными рывками, будто борьба идет на дистанции 1 500 метров. Такие изменения произошли в стайерском беге не сразу. Еще Куц предвидел его развитие в эту сторону и заложил основы современной тактики, ведя борьбу активно, насыщая ее внезапными бросками, в то время как известные английские стайеры Пири и Чатауэй, с которыми Куц вел борьбу, выступили в позиционной манере. И вот теперь молодой англичанин Бедфорд на дистанции 10 тысяч метров выступал в стиле Куца, а наш бегун Шарафетдинов — в стиле Пири. И хотя англичанин в итоге был лишь шестым, а Шарафетдинов все же завоевал бронзовую медаль, но мне кажется, что с такой тактикой далеко не убежишь и золотых наград не завоеуешь.

Еще менее удачно сложился для нас бег на 5 тысяч метров. Молодой ученик Куца Владимир Афонин не выдержал темпа и сошел с дистанции, а Шимонелис не попал даже в число первых шести. В чем же дело? Почему мы утратили свои позиции в стайерском беге? Почему не можем дождаться смены Куца и Болотникова? Ведь есть же у нас смена скорых ходов. Никому не уступили победы Николай Шмага на дистанции 20 километров и Вениамин Солдатенко на дистанции 50 километров. Как ни трудно заменить Валерия Брумеля, а у нас все время появляются первоклассные прыгуны, и вот лишь на чемпионате Европы два молодых спортсмена — Кестутис Шапка и Рустам Ахметов — завоевали золотую и бронзовую медали. А вот в стайерском беге по-прежнему никакого перелома.

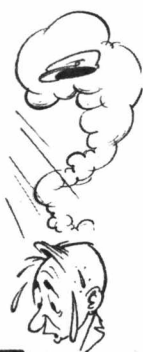
Как это ни парадоксально, но бег, который является основой легкой атлетики, до сих пор остается для нас самым уязвимым местом. Об этом достаточно убедительно говорят события, происшедшие в последний, шестой день чемпионата. В программе последнего дня разыгрывались 11 золотых медалей, и из них 9 оспаривали бегуны. И вот мы не смогли получить ни одной золотой медали из девяти и довольствовались лишь двумя бронзовыми: в женской эстафете 4 × 400 метров и в беге на 3 тысячи метров с препятствиями.

Такова для нас теневая сторона X чемпионата Европы по легкой атлетике. И все же этот репортаж нам хочется закончить на солнечной стороне Хельсинкского стадиона, — ведь на его беговой дорожке два советских бегуна — Валерий Борзов, завоевавший две золотых медали, и Евгений Аржанов, впервые за все годы нашего участия в чемпионатах Европы и многих других крупнейших соревнованиях победивший на дистанции 800 метров, — показали, что мы можем надеяться на лучшее будущее. Да, у нас растет способная молодежь, но только четко координированные усилия тренеров и спортивных организаторов могут обеспечить ей место под солнцем.

Хельсинки,
по телефону.

Коэффициент
ДВ
реального
действия

ДЕЛО В КЕПКЕ

«Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Станция называется Рига, и с привокзальной площади я шагнул на улицу Суворова, в магазин головных уборов. Меня всегда смущает это словосочетание: «Головные уборы!» Мне видятся за такой подчеркнuto серьезной вывеской кание-то очень уж обстоятельные, машинной сработанные вещи — этакое колюшники то ли из металлов, то ли из пластика, то ли... В общем, уборы. И цена, разумеется, соответствующая.

— Летнюю кепку? Пожалуй, ста...

Через две минуты, оставив в магазине 1 рубль 37 копеек, я вышел на улицу в отлично сшитой кепке. Легкой, элегантной, ни на какой убор или прибор не похожей. И вовсе это не декорация! Просто кепка. Парусиновая.

В Москве, едва вернулся, первый же вопрос ко мне был: «Где достал?» Приятель, возжелавший парусиновый убор, находится в сложных отношениях с прямыми солнечными лучами: врач категорически предписал не подставлять солнцу голову. Легкая парусиновая кепка на сезон — что может быть лучше?

— Тоже мне корона!.. Кепку купить нетрудно, — легкомысленно ответил я, полагая, что можно подобную приобрести в любом московском магазине.

В первом, что на улице Пушкина, таких кепок не было. Но была любезность:

— Заходите, заходите. Быть может, и повезет...

На Сretenке вроде бы нашел то, что нужно, но размеры удручающе малы. Продукция явно делалась в расчете на дошкольников.

Захожу в ателье напротив магазина, на той же Сretenке.

— Можно заказать парусиновую кепку?

— Заказывать нельзя, можно купить. Только не парусиновую, а с лавсаном...

Кепка без подкладки, едва держит форму. Стоит 2 рубля 16 копеек. Заметно дороже рижской. И, мягко говоря, похуже ее.

Звоною в Министерство легкой промышленности: почему мало шьют парусиновых кепок? Оказывается, вообще-то шьют. Шьют их производственное объединение «Зарница». Видел я ту продукцию: нет в ней рижской элегантности.

В чем же дело? И почему оно не в шляпе, а в... кепке?

— Спрос на них невелик...

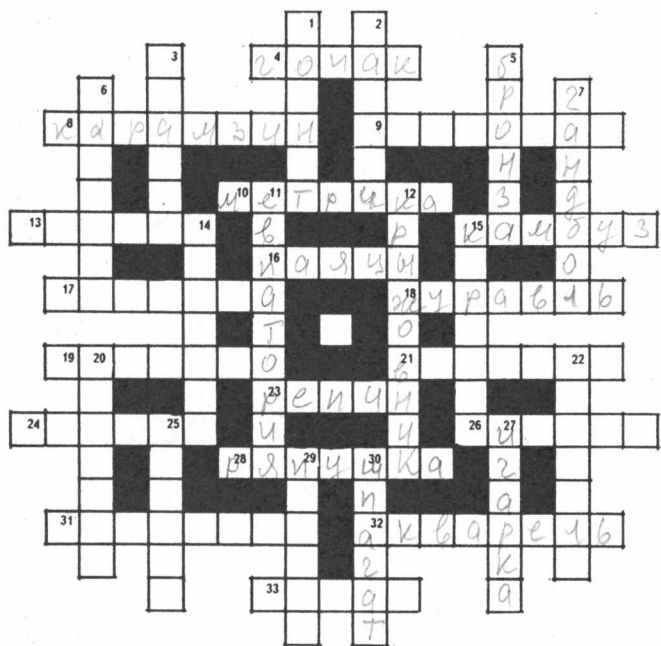
Интересуюсь «кепочной» проблемой в Министерстве торговли.

— Пусть дают больше!..

В Главлторге Москвы подтверждают: весной и летом спрос на хорошую парусиновую кепку достаточно устойчив. Но подчеркивают: на хорошую!

Круг замкнулся. Кепок нет. А солнце печет немилосердно. Придется моему приятелю одолжить до осени у какого-нибудь ветерана флотскую бескозырку. Белую. Парадную. Или, может, свою кепку ему подарить?

К. БАРИКИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Украинский народный танец. 8. Русский писатель и историк. 9. Экваториальное созвездие. 10. Свидетельство о рождении. 13. Деталь затвора фотоаппарата. 15. Кухня на судне. 16. Опера Р. Леонкавалло. 17. Бактериологический препарат. 18. Болотная птица. 19. Повесть М. Горького. 21. Этюд для пения. 23. Автор картины «Бурлаки на Волге». 24. Действующее лицо балета Б. В. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». 26. Рельефное изображение печатного знака. 28. Рыба семейства лососевых. 31. Раздел механики. 32. Краски, разводимые водой. 33. Литературный жанр.

По вертикали: 1. Духовой инструмент. 2. Река в Индии. 3. Рассказ А. П. Чехова. 5. Сплав меди с различными элементами. 6. Советская певица. 7. Спортивная игра. 11. Курорт в Крыму. 12. Ягодный кустарник. 14. Небольшое сольное произведение. 15. Степная рысь. 20. Древнегреческий драматург. 22. Горный массив на Южном Урале. 25. Дневная бабочка. 27. Порт в Красноярском крае. 29. Лепное украшение на потолке. 30. Тонкая веревка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 7. Саксофон. 8. «Телескоп». 11. Амбар. 12. Егерь. 13. Ваза. 15. Анна. 16. Швабрин. 17. Радиола. 18. Ярмарка. 19. Сенокос. 22. Поленов. 24. Толокно. 25. Фата. 26. Тент. 27. Колос. 28. Омута. 30. Экспонат. 31. Лафонтен.

По вертикали: 1. «Травиата». 2. Штора. 3. Степь. 4. «Школьник». 5. Горбуша. 6. Черешня. 9. Архангельск. 10. Репродуктор. 14. Аризона. 15. Анапест. 20. Еланская. 21. Стеллаж. 22. Попугай. 23. Орнамент. 27. Кросс. 29. Апорт.

На первой странице обложки: Ухтинский нефтеперерабатывающий завод. Здесь монтируются новые установки для производства бензина.

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: По грибы.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

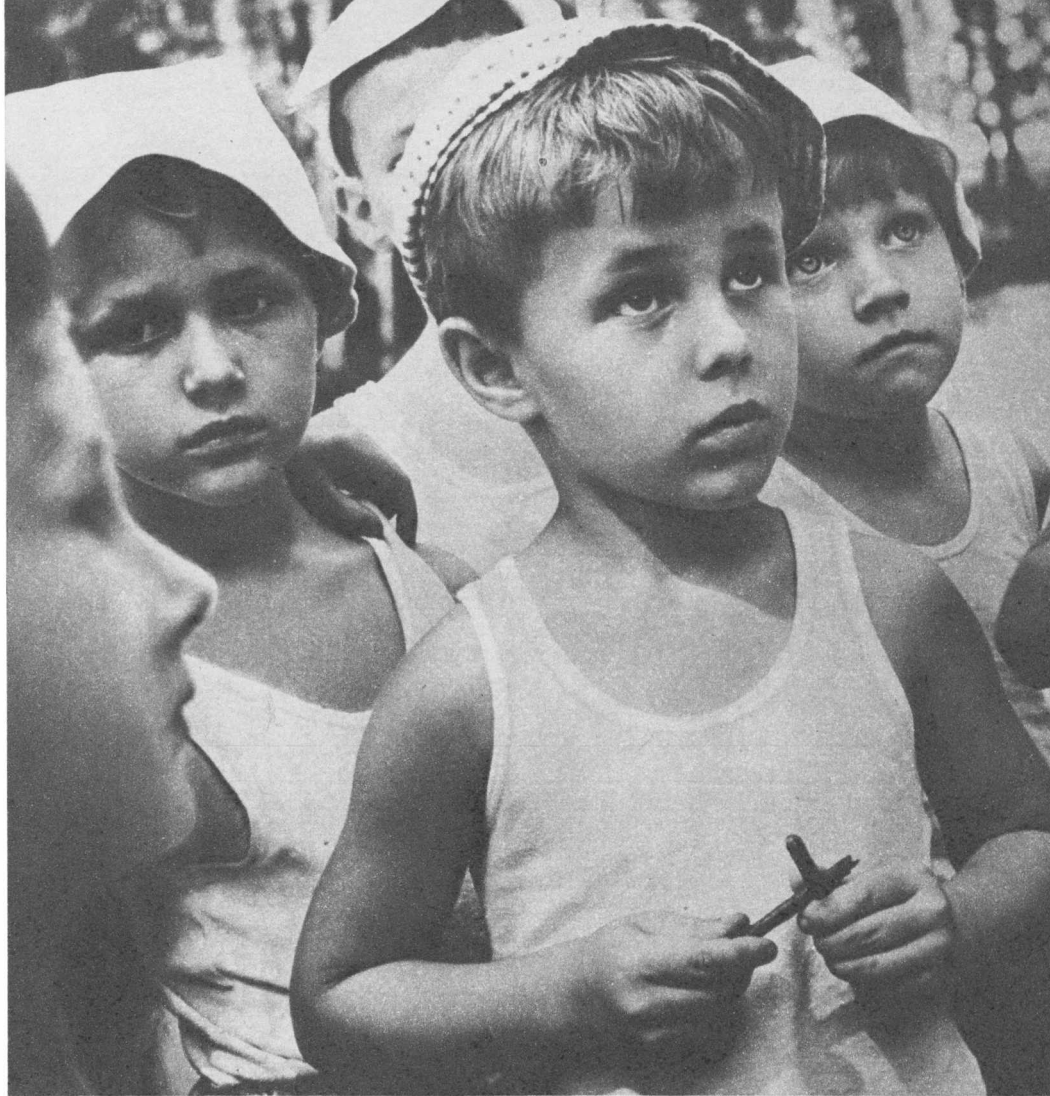
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Научки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/VIII-71 г. А 00587. Подп. к печ. 17/VIII-71 г. Формат бумаги 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1336 Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1651.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Мы
на даче

Фото А. ЛОБОВА,
корреспондента АПН

М

ы на даче, и это чудесно!

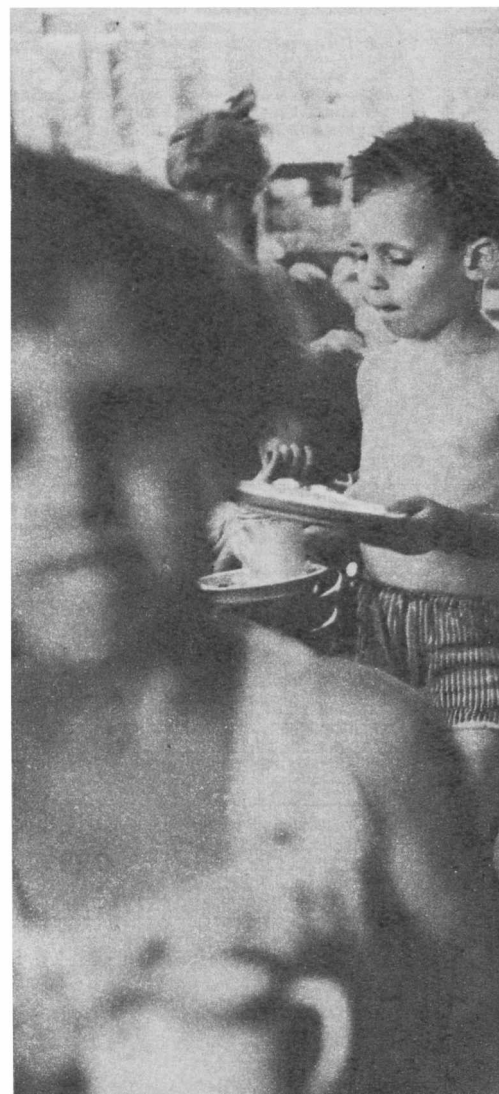
Ничего нет лучше, чем жить летом в уютном деревянном доме с резными наличниками. Тем более что дом-то стоит среди белых-белых берез. Днем они прячут нас в свою тень, а вечером и в тихий час шепчут нам свои сказки. От них глаза сразу слипаются, и только и успеваешь услышать: шу-шу-шу. Мы хотя еще и маловаты — даже в школу не ходим, но не подумайте, что с нами тут нянчатся! Как бы не так! Мы и в столовой сами столы накрываем, и посуду убираем, и кровати свои стелем тоже сами, и вообще учимся быть самостоятельными. Есть у нас даже дежурный по узлам, который перед сном шнурки на ботинках всем развязывает, — за день так перепутываются, самому ни в жизнь не развязать. В общем, дел у нас хватает.

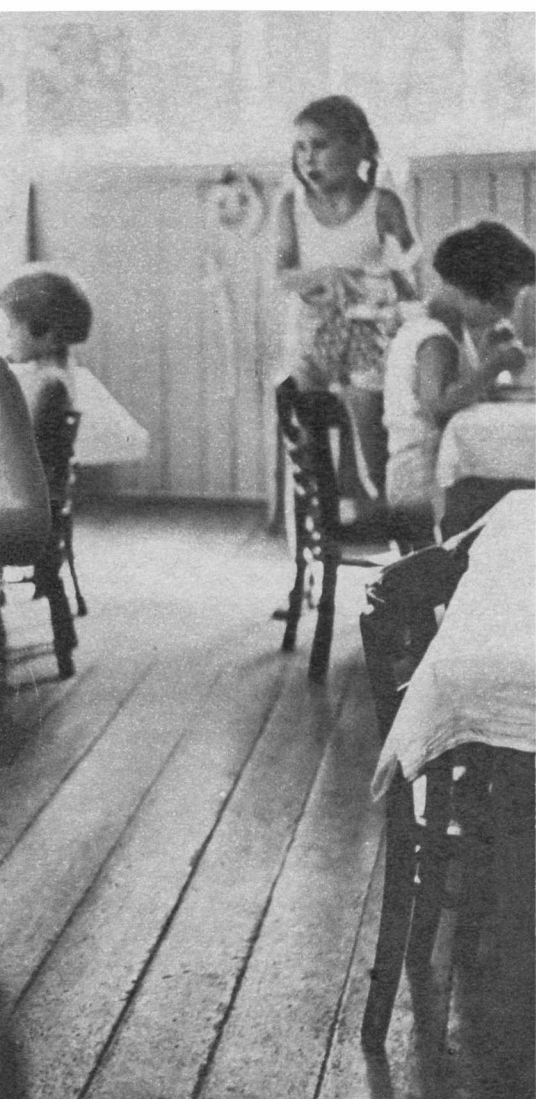
Целый день то по лесу гуляем, то играем на лужайке в разные веселые игры.

Пока мы проводим лето в Перхушкове, под Москвой, а через два года нам построят собственную дачу возле Можайска. Говорят, это будет чудесная-расчудесная дача, только жалко, что нам там отдыхать не придется — подрастем к тому времени до пионерского лагеря, а туда, в детский сад, уж другие малыши поедут.

Лето — такое время, когда и нам и нашим папам и мамам хорошо. Они сейчас о нас совсем не беспокоятся и работают на заводе, знают, небось, что мы тут живем весело. Вон как за лето выросли!

Беседу ребят детского сада Московского завода автотракторной электроаппаратуры записал Юра Михайлов.

Цена товара 30 коп.
Индекс 10663

